

INSPIRIA

NEW YORK
TIMES
BESTSELLER

18+

Дейзи Джонс & The Six

Тейлор Дженкинс Рейд

INSPIRIA

Тейлор Дженкинс Рейд Дейзи Джонс & The Six Серия «Novel. Большая маленькая жизнь»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63107231
Дейзи Джонс & The Six: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-111821-1*

Аннотация

Притягательность концертного бэкстейджа и связанные с ним мифы и интриги – двигатель нового романа Тейлор Дженкинс Рейд.

Это глубоко личная история, полная эмоций, зажигательного рок-н-ролла и неоднозначных характеров.

«Возмутительно восхитительно» – Entertainment Weekly

«Каждый герой неотразим, но Дейзи Джонс – одно слово, звезда. Пылающий талант, существующий вне правил, ведомый своей разрушительной сексуальностью» – Associated Press

«У Тейлор Дженкинс Рейд настоящий дар. Это идеально выстроенная история, в нее безусловно веришь» – Nylon

«Вам не захочется, чтобы эта история заканчивалась» – Сесилия Ахерн, автор бестселлера «P.S. Я люблю тебя»

Рок-группа «Дейзи Джонс & The Six» стала настоящей легендой, а ее солистка, Дейзи, иконой своего времени.

Едва ли не каждая девчонка мечтала вырасти и стать такой же яркой и талантливой, как Дейзи. Но на пике популярности в 1979 году между участниками группы произошел раскол, прямо во время их последнего июльского концерта.

Даже десятилетия спустя подробности случившегося неизвестны, но о «Дейзи Джонс & The Six» помнит весь мир. Их история – это страсть, скандал и рок-н-ролл. Загадка, приправленная разрушительными влюбленностью, ревностью и аддикцией, а также прекрасной музыкой, покоровшей сердца миллионов.

Настало время раскрыть эту тайну.

Дейзи Джонс, ваш выход!

Содержание

От автора	6
Юная групи[1] Дейзи Джонс	8
The Six	26
Тусовщица	63
Дебют	73
«Начало»	116
«Семь... Восемь... Девять»	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Тейлор Дженкинс Рейд Дейзи Джонс & The Six

Роман «Дейзи Джонс & The Six» представляет собой художественный вымысел. Все описываемые события, места действия и персонажи стали плодом фантазии автора или использованы под вымышленными именами. Любые совпадения с реально произошедшими событиями, существующими местами действия и конкретными людьми, будь то живыми или уже почившими, совершенно случайны и непреднамеренны.

Посвящается Бернарду и Салли Хэйнс.

Правдивая история любви, какой еще не видел свет.

Taylor Jenkins Reid

DAISY JONES & THE SIX

Copyright © 2019 by Rabbit Reid, Inc.

В коллаже на обложке использована фотография: © B & J / Stocksy United / Legion Media.

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

От автора

Эта книга явилась попыткой собрать из разрозненных кусочков полную и очевидную картину того, как знаменитая в 1970-х рок-группа «Дейзи Джонс & The Six» стремительно возшла к зениту популярности. Книга также рассказывает о том, что привело к прекращению творческой деятельности и внезапному для всех распаду группы во время гастрольного тура в Чикаго 12 июля 1979 года.

В течение последних восьми лет я собирала материалы и брала интервью, встречаясь с бывшими участниками группы, а также членами их семей, друзьями и деятелями музыкальной индустрии, что составляли их окружение в ту пору. Представленная далее история, передаваемая из уст самих героев, составлена из этих интервью и бесед и дополнена сообщениями из электронной почты, записками и фрагментами из песен (полное собрание текстов песен к их альбому «Аврора» можно найти в конце книги).

Как бы я ни стремилась всесторонне и максимально целостно осветить события, вынуждена признать, что это оказалось невыполнимым. Кого-то я просто не смогла отыскать для интервью, кто-то был в большей степени настроен на общение, кто-то – менее, а некоторые, к сожалению, уже ушли в мир иной.

В книге я предприняла попытку вновь объединить участ-

ников «Дейзи Джонс & The Six»: первый и последний раз в своей жизни они вместе, словно по очереди, рассказывают историю группы.

Кстати, сразу необходимо заметить, что нередко одно и то же событие – независимо от того, важное оно или совсем незначительное, – из разных уст преподносится по-разному. Правда же, неприметная для рассказчиков, зачастую лежит где-то посередине.

Юная групи¹ Дейзи Джонс

1965–1972

Дейзи Джонс родилась в 1951 году и выросла на Голливудских холмах в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. Дочь достаточно известного британского живописца Фрэнка Джонса и французской модели Жанны Ле Февр, Дейзи начала заявлять о себе уже в конце шестидесятых как юная искательница развлечений на знаменитом бульваре Сансет-Стрип.

Элейн Ченг (биограф, автор книги «Дейзи Джонс: Дикий цветок»): Вот тут как раз самое прелестное и подкупающее в жизни Дейзи Джонс – еще до того, как она сделалась «той самой Дейзи Джонс».

Представьте богатую белую девушку, выросшую в Лос-Анджелесе. Она изумительная красавица – причем с самых ранних лет. У нее огромные и пронзительные синие глаза – темные, настоящего кобальтового оттенка. Кстати, известен один забавный казус, который мне очень нравится, – это история о том, как в восьмидесятых некая фирма, производившая цветные контактные линзы, разработала оттенок под названием «Дейзи Джонс». Так вот, эта девушка обладала выю-

¹ *Групи* (англ. *Groupie*) – поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. – Прим. ред.

щами медно-рыжими волосами, такими густыми и пышными... как будто голову окутывало облако! У нее чуточку выступали скулы, рельефно очерчивая контур лица. И у нее был совершенно невероятный голос, который она и не думала развивать, не взяв в своей жизни ни единого урока вокала.

Дейзи родилась в несметно богатой семье, ей было доступно все, чего она только могла пожелать, – художники и артисты, дорогой алкоголь, ночные клубы. Все и вся было в ее распоряжении! И в то же время она росла очень одинокой. У нее не было ни братьев, ни сестер, ни каких-либо родственников в Лос-Анджелесе. Только двое родителей – причем каждый из них настолько удалялся в собственный мирок, что обоим было абсолютно безразлично ее существование. Впрочем, они никогда не стеснялись заставлять ее позировать своим друзьям-художникам. Вот почему осталось так много картин и фотографий Дейзи Джонс в детские годы: бывавшие в их доме художники видели маленькую Дейзи, находили ее удивительно красивой девочкой и изъявляли желание ее запечатлеть. Говорят, сам Фрэнк Джонс не написал ни единой картины с дочерью. Он слишком увлекался обнаженными натурщиками, вместо того чтобы уделять внимание собственной дочке. Да и в целом все свое детство Дейзи, можно сказать, провела в одиночестве.

И при этом она, как ни удивительно, оставалась очень дружелюбным и общительным ребенком. Так, Дейзи часто просила укоротить ей волосы – просто потому, что очень сим-

патизировала парикмахерше. Она просила у соседей позволения выгуливать их собак. А еще в семье рассказывали в качестве милой семейной шутки, как однажды она попыталась испечь торт на день рождения почтальона.

Только представьте, как отчаянно эта девчушка стремилась к общению – но в ее жизни не находилось никого, кому бы она стала по-настоящему интересна. А в особенности до нее нет дела собственным родителям. И это ее душевно разбивает.

Впрочем, именно это и взрастит из нее впоследствии всеобщего кумира. Все мы любим возводить на пьедестал прекрасных, красивых людей, жестоко обиженных жизнью. И мало найдешь столь очевидно раздавленных реальностью и вместе с тем обладающих столь редкостной красотой людей, как Дейзи Джонс.

Так что ничуть не удивительно, что Дейзи начала искать свое предназначение на бульваре Сансет-Стрип, в этом весьма гламурном и довольно злочном местечке.

Дейзи Джонс (солистка группы «Дейзи Джонс & The Six»): Я могла в любой момент выйти из дома и отправиться гулять по Сансет-Стрип. Мне было около четырнадцати, я терпеть не могла сидеть дома и все время искала, чем бы заняться. Я еще не была достаточно взрослой, чтобы меня пускали в бары и ночные клубы, но я все равно там постоянно ошивалась.

Помню, как совсем еще девочкой я стрельнула сигарету у одного из роуди² группы *The Byrds*. Я в те годы быстро усвоила, что без лифчика тебя все воспринимают старше, чем есть. А еще я иногда носила на голове повязку типа банданы, как у тамошних крутых девчонок. Мне хотелось казаться своей среди шумных фанаток, что толпились на тротуаре, держа в руках косяки и фляжки, и все такое прочее.

Так вот, однажды вечером я стрельнула сигарету у менеджера возле ночного клуба *Whisky a Go Go*. Курила я тогда впервые в жизни и старательно делала вид, будто все время этим балуюсь. Я, конечно, сдержала кашель – а чего ты хочешь, я же заигрывала с этим парнем как могла! Сейчас даже стыдно представить, как неуклюже я тогда себя вела!

И вскоре к этому роуди подходит еще один парень и говорит:

– Пошли уже, надо ставить усилители. – А потом поворачивается ко мне: – Идем, что ли?

Так я первый раз нелегально просочилась в *Whisky*.

В тот раз я тусила там часов до трех или даже четырех утра. Ничем подобным я еще в жизни не занималась. Тогда я неожиданно для себя почувствовала, что *существую*. Я была частью чего-то большого и единого. За одну ночь я по своей

² Англ. *roadie* – сленговое слово, обозначающее человека, который занимается организационными делами рок-группы во время гастролей, отвечая за погрузку и выгрузку аппаратуры, оборудование сцены и решая множество технических проблем. Слово представляет собой упрощенный вариант словосочетания *road manager* («дорожный менеджер»). – *Прим. ред.*

внутренней значимости от нуля поднялась сразу к шести. Я пила и курила все, что мне там кто-то предлагал.

Добравшись до дома, я прошагала в дверь, пьяная и обкуренная вдрабадан, и, кое-как поднявшись в спальню, рухнула на свою кровать. Уверена, что родители даже не заметили, что я куда-то отлучалась.

Я же проспалась и на следующий вечер отправилась туда опять, и снова занималась тем же самым.

В скором времени все вышибалы на Сансет-Стрип знали меня в лицо и пускали везде, куда мне заблагорассудится. В *Whisky*, в *London Fog*, в *Riot House*. Никому и дела не было, сколько мне лет на самом деле.

Грег МакГиннес (бывший консьерж отеля Continental Hyatt House): Да знаешь, чел, трудно сказать, сколько времени Дейзи крутилась возле *Hyatt House*, пока я ее там заприметил. Но отлично помню, как увидел ее впервые. Я говорил по телефону – и тут вижу, как заходит офигенно высокая и притом ужасно тощая девчонка, с большими кольцами в ушах и брякающая браслетами. И эти невероятно огромные, едва не круглые, синие глаза, каких, чел, я в жизни не видал! А еще у нее была потрясающая улыбка. Такая, знаешь, широкая и ослепительная. В отель она зашла под руку с каким-то парнем. Уже не помню, с кем.

Ну да, тогда много девчонок толклось на Сансет-Стрип. Все они были совсем юные, и всем им хотелось казаться стар-

ше своих лет. Но Дейзи сильно выделялась из них. Она просто была *сама собой*, не пытаясь кем-то казаться и кого-то изображать.

После этого я стал замечать, что она частенько бывает в нашем отеле. Она всегда много смеялась, и никогда в ней не замечалось никакой там усталости, измотанности. По крайней мере, когда я ее видел. Для меня это было все равно что наблюдать, как Бемби учится ходить. Она казалась страх какой наивной и беззащитной. И в то же время, знаешь, в ней всегда ощущалось что-то еще, что-то иное.

Я, сказать по правде, даже волновался за нее. В те годы столько мужиков со сцены западали на юных девочек. Рок-звезды, которым было за тридцатник, вовсю спали с подростками. Я не считаю, что это нормально, – просто говорю, как оно было. Сколько лет было Лори Мэттикс, когда она была с Джимми Пейджем? Или взять Игги Попа и Сейбл Старр. Он ведь даже пел об этом, прикинь! Хвастался этим!

Что касается Дейзи, то все без исключения заглядывались на нее – и певцы, и гитаристы, и их техперсонал. Хотя лично я, увидев ее, хотел только убедиться, что с ней просто все в порядке. Как бы незаметно присматривал за ней. Мне она и впрямь запала в душу. Она была как-то выше всего, что там вокруг нее творилось.

Дейзи: Секс и любовь я познала довольно тягостным для себя образом. Я уяснила, что мужчины вольны брать то, что

желают, и при этом нисколько не чувствовать себя в долгу. И еще – что некоторые ожидают от тебя лишь одного.

Наверняка были такие девчонки – вроде Синтии-«гипсо-литейщицы»³ или *The GTOs*⁴, – которые вовсе не считали, что ими пользуются. Уж это им виднее. Но для меня по первости выходило одно только разочарование.

Девственность я потеряла с одним... Впрочем, уже не важно, с кем. Он был меня старше, играл в одной группе на барабанах. Мы оказались в вестибюле *Riot House*, и он пригласил меня подняться к нему, занюхать по «дорожке». Сказал, что я – девушка его мечты.

Меня влекло к нему, скорее потому, что он мною заинтересовался. Мне хотелось, чтобы кто-то выделил меня из толпы, увидел во мне нечто особенное. Тогда я просто отчаянно стремилась завоевать чье-то внимание.

Прежде чем я поняла, что происходит, мы оказались у него на кровати. Он спросил, сознаю ли я, что делаю, и я ответила «да», притом что правильно было бы, конечно, ответить «нет». Но тогда все вокруг только и говорили, что о свободной любви, о том, какая классная штука секс. И если

³ Синтия Албриттон (р. 1947) – американская художница-скульптор, прославившаяся созданием гипсовых слепков пенисов и грудей знаменитостей, за что и получила прозвание «гипсолитейщица» (*the Caster Plaster*). В 1960-е гг. она была типичной группой, сопровождавшей рок-музыкантов в гастрольных турах. – Прим. перев.

⁴ *The GTOs* – американская рок-группа, образовавшаяся в 1968 г. в Лос-Анджелесе и состоявшая из семи девушек-группы. – Прим. перев.

ты по-настоящему крут, если по-настоящему «в струе», то непременно должен был любить заниматься сексом.

Все это время я пролежала, глядя в потолок и ожидая, когда же он закончит. Я знала, что должна бы при этом как-то двигаться, однако оставалась абсолютно неподвижной, боясь пошевелиться. Все, что слышалось тогда в номере, – это лишь звук нашей одежды, трущейся о покрывало.

Я совершенно не представляла, что я делаю и зачем вообще делаю то, чего мне делать ну совсем не хочется. Хотя сейчас, учитывая, сколько сеансов психотерапии прошло в моей жизни – а психотерапии у меня было предостаточно, – я все это понимаю. И ясно вижу, что со мной тогда происходило. Мне хотелось крутиться возле всех этих мужчин – этих рок-звезд, – потому что я не представляла, как еще о себе заявить, как сделаться для людей значимой. И я решила, что если желаю в их среде остаться, то должна их удовлетворять.

Кончив наконец, он поднялся. Я расправила на себе платье. И он сказал:

– Если хочешь вернуться к своим друзьям, то все нормально.

На самом деле у меня там не было никаких друзей. Но я поняла: он имеет в виду, что я должна уйти. Что я и сделала. Тот парень никогда больше со мной не заговаривал.

Симона Джексон (популярная исполнительница музыки в стиле диско): Хорошо помню, как однажды увидела Дейзи

на танцполе в *Whisky*. Все ее замечали, взгляды всех и каждого устремлялись к ней. Если весь прочий мир считать серебряным, то Дейзи была золотая.

Дейзи: Симона стала моей близкой подругой.

Симона: Куда бы я ни шла, я повсюду таскала с собой Дейзи. У меня ведь никогда не было сестры.

Помнится, однажды... Тогда, в 1966-м, на Сансет-Стрип случились серьезные беспорядки, когда все наши дружно отправились к *Pandora's* протестовать против копов и введения комендантского часа. Мы с Дейзи тоже сходили туда, попротестовали, встретились кое с какими актерами и отправились с ними тусить дальше в *Barney's Beanery*. Оттуда перебрались гудеть к кому-то на виллу, и Дейзи вырубилась там прямо посреди патио. В общем, до следующего вечера домой мы не попали. Ей тогда было где-то лет пятнадцать. А мне, наверно, девятнадцать. И я все думала: «Неужто за эту девочку никто на свете не волнуется, кроме меня?»

Кстати сказать, все мы в ту пору сидели на «ускорителях», даже Дейзи, какой бы юной она ни была. Но если тебе хотелось держаться в тонусе и всю ночь оставаться на ногах, то приходилось что-то да принимать, чаще всего «бенни» или «черных красавчиков»⁵.

⁵ Речь идет о разновидностях амфетаминов. – *Прим. перев.*

Дейзи: Самым простым и доступным вариантом были таблетки для похудения. Да это даже никто и не считал тогда за какое-то пристрастие, поначалу мы даже не испытывали от них никакого кайфа. Ну, и с кокаином, конечно, то же самое. При случае никто не отказывался нюхнуть. Это даже не считалось наркоманией. Не считалось ничем особенным.

Симона: Мой продюсер приобрел для меня тогда виллу в каньоне Лорел. Он рассчитывал, что будет со мной спать. Я ему отказала, но он все равно ее для меня купил. И я настояла, чтобы туда перебралась жить и Дейзи.

В общем, шесть месяцев мы с ней делили кровать. И вот что скажу совсем не понаслышке: эта девица никогда не спала. Бывало, я отрубалась в четыре утра, а Дейзи у себя на тумбочке оставляла включенным свет, чтобы еще и почитать.

Дейзи: Я давно страдала ужасной бессонницей, еще с детства. Ребенком я могла вовсю играть в одиннадцать вечера и говорить, что нисколько не устала, но родители всякий раз кричали: «Сейчас же иди спать!» Так что ночью я всегда искала себе занятия потише. У мамы по всему дому валялись книжицы с любовными романами, вот я их и читала. Бывало, шел второй час ночи, у родителей внизу гремела вечеринка, а я сидела тихонько в постели, включив лампу и читая, к

примеру, «Доктора Живаго» или «Пейтон-Плейс»⁶.

А потом это просто вошло в привычку. Я читала все, что только оказывалось под рукой, без разбора. Детективы, триллеры, научную фантастику. Я была непривередливой.

Примерно в то время, как я переехала жить к Симоне, я нашла у обочины дороги к каньону Бичвуд коробку с биографическими книжками. Одолела их все в мгновение ока.

Симона: Скажу вам, именно из-за нее я начала натягивать по ночам маску для сна. (*Смеется.*) Но потом и дальше ею пользовалась, потому что выглядела в ней шикарно!

Дейзи: Я прожила тогда пару недель у Симоны, и мне понадобилось съездить домой забрать кое-какую одежду.

– Это ты сегодня утром сломала кофеварку? – спросил, увидев меня, отец.

– Пап, да я здесь даже не живу, – пожалала я плечами.

Симона: Я заявила, что ставлю ей единственное условие, чтобы жить со мной: она будет ходить в школу.

Дейзи: В старшей школе мне было ой как непросто. Я понимала: чтобы получать отличные оценки, придется делать все то, что тебе велят. Но я ведь очень хорошо знала, что

⁶ «Пейтон-Плейс» – роман американской писательницы Грейс Металиос (1956), удостоенный звания «Бестселлер всех времен». – *Прим. перев.*

многое из того, что нам там говорят, – полная чушь. Помню, как-то раз мне поручили сочинение о том, как Колумб открыл Америку, – и я написала, что он никакой Америки не открывал. Потому что он ее не открыл. И схлопотала за это низший балл.

– Но ведь я же права, – возмущенно сказала я учительнице.

На что она ответила:

– Но ты не выполнила задание.

Симона: Она была такой умницей, а ее школьные учителя, похоже, этого даже не понимали.

Дейзи: Все вокруг говорили, что мне старшую школу не закончить, но я все же это сделала. Когда я шла по сцене, чтобы получить аттестат, Симона восторженно аплодировала мне в зале. Она так мною гордилась! И тогда я тоже начала собой гордиться.

В ту же ночь я вытащила аттестат из обложки, сложила в несколько раз и использовала как закладку в «Долине кукол»⁷.

Симона: Когда провалился мой первый альбом, компания звукозаписи сразу меня послала, а мой продюсер дал нам

⁷ «Долина кукол» – популярнейший в конце 1960-х гг. роман американской писательницы Жаклин Сюзанн (1966). – Прим. перев.

пинка с принадлежавшей ему виллы. Я нашла себе работу официантки и перебралась жить к двоюродной сестре в Леймерт-Парк. А Дейзи пришлось вернуться к родителям.

Дейзи: Я просто сложила у Симоны свои вещички и вернулась в родительский дом. Когда я вошла в дверь, мама, куря сигарету, разговаривала по телефону.

– Привет, я вернулась, – сказала я.

– А у нас новый диван, – отозвалась она и продолжила болтать по телефону.

Симона: Вся красота Дейзи – от матери. Жанна была изумительно красива. Помню, я тогда видела ее несколько раз. Огромные глаза, очень пухлые губы. От нее исходила какая-то особая чувственность. Все вокруг вечно говорили, что Дейзи – просто вылитая мать. Да, они были похожи, но я-то знала, что Дейзи об этом лучше даже не заикаться.

Однажды я обмолвилась ей:

– У тебя очень красивая мама.

– Ну да, красивая, – отмахнулась Дейзи. – И больше ничего.

Дейзи: Когда нас выперли из дома, где мы жили с Симоной, я впервые отчетливо поняла, что как-то негоже плыть по течению и сидеть на шее у других людей. Мне было тогда семнадцать, если не ошибаюсь. И именно тогда я впервые

задумалась, а есть ли у меня вообще в жизни какая-то цель.

Симона: Иногда, когда Дейзи бывала у меня дома, она принимала душ или мыла посуду. И я слышала, как она поет что-нибудь из песен Джонни Кэша или Дженис Джоплин. Особенно любила петь ее «Мерседес-Бенц». У Дейзи это выходило лучше, чем у кого-либо. Можете себе представить! Я лезла из кожи, пытаюсь получить новый контракт на звукозапись: постоянно брала уроки вокала, реально над этим работала – и рядом Дейзи, у которой все это получалось легче легкого. Я прям готова была ее за это возненавидеть! Вот только Дейзи возненавидеть не так-то просто.

Дейзи: Одно из моих излюбленных воспоминаний... Мы с Симоной едем по Ла-Сиенеге – кажется, в «бээмвэшке», что у меня тогда была. Теперь там отбабахали огромный торговый центр – а в ту пору там находилась знаменитая студия звукозаписи *The Record Plant*. Не знаю, куда мы тогда направлялись – может быть, в *Jan's* перехватить по сэндвичу. Но точно помню, что слушали мы альбом Кэрол Кинг «Гобелен». И помню, зазвучала песня «У тебя есть друг». Мы с Симоной стали очень громко петь, чуть не заглушая саму Кэрол Кинг. И в то же время я внимательно вслушивалась в текст песни. Я глубоко прочувствовала, о чем там говорилось. Эта песня всегда наполняла меня признательностью к моей драгоценной подруге Симоне.

И меня вдруг охватило такое ощущение душевного покоя, приходящего с осознанием того, что в мире есть человек, который готов ради тебя на все, готов сделать ради тебя что угодно. До Симоны у меня еще никогда в жизни такого человека не было. Слушая тогда в машине эту песню, я даже немного прослезилась. Повернулась к Симоне, открыла было рот, чтобы сказать ей об этом, – и она тут же кивнула: «Я тоже».

Симона: Я чувствовала своим долгом заставить Дейзи что-то делать с таким-то голосом. Но Дейзи ничегошеньки не собиралась делать, если у нее не было на то желания.

К тому времени у нее стал проявляться настоящий характер. Когда мы только познакомились, Дейзи была еще очень наивной, так что [*усмехается*], скажем так: она стала куда жестче.

Дейзи: Я встречалась тогда с двумя парнями, причем один из них был Уайет Стоун из группы *The Breeze*. Сразу хочу сказать, я вовсе не испытывала к нему таких же чувств, что он ко мне.

Однажды ночью мы курили травку на крыше его апартаментов в Санта-Монике, и Уайет сказал:

– Я так сильно тебя люблю, и мне совсем непонятно, почему ты меня не любишь.

На что я ему ответила:

– Я люблю тебя так, как вообще способна любить кого-либо.

И это было чистой правдой. На тот момент мне действительно не хотелось обнаруживать перед кем-то свою уязвимость. В более юные годы мне уже довелось почувствовать себя слишком слабой и легкоранимой, и больше мне этого точно не хотелось.

И вот той ночью, когда Уайет отправился в постель, мне никак не спалось. И я увидела листок бумаги с текстом песни, что он сочинил, – причем явно написанной обо мне. Там что-то было про рыжую девчонку и упоминались большие кольца в ушах, что я тогда постоянно носила. А еще припев о том, что у меня большое сердце, но в этом сердце нет любви. И я глядела на написанные им слова и думала: «Но это же совсем не так!» Он абсолютно меня не понял! И вот я постояла немного над его творением, подумала, а потом взяла бумагу с ручкой и записала кое-что, пришедшее мне в голову.

Когда он утром встал, я ему сразу сказала:

– Было бы лучше, если бы припев у тебя звучал как-то так:

*В больших ее глазах – безмерная душа,
В ее огромном сердце – буйство чувств.
Но от нее ты жди
лишь крохотную капельку любви.*

Уайет тут же схватил ручку, бумагу:

– Давай-ка еще раз!

– Да я так просто, для примера. Сам иди пиши свою чертову песню.

Симона: «Капелька любви» стала самым выдающимся хитом *The Breeze*. Причем Уайет утверждал, будто все от начала до конца написал сам.

Уайет Стоун (солист группы *The Breeze*): Что за вопрос? Столько воды утекло. Кто о таком вообще способен помнить!

Дейзи: Это уже становилось для меня обычным делом. Как-то раз я завтракала в *Barney's Beanery* с одним парнем, сценаристом-режиссером. А я в ту пору неизменно заказывала себе к завтраку шампанское. Но в то же время я всегда по утрам чувствовала себя усталой, потому что вечно недосыпала. А потому мне требовался кофе. Но, разумеется, я не могла заказать один лишь кофе, потому что была еще «вздернутой» после таблеток, что постоянно принимала. И не могла просто заказать себе шампанского, иначе меня бы сразу вырубило в сон. Представляешь себе проблему? Поэтому я заказывала одновременно и кофе, и шампанское. И в тех местах, где официанты меня знали, я обычно называла это «вверх и вниз». То есть что-то такое, что меня взбодрило бы, и что-нибудь, способное «пригасить». Так вот, тот парень счел, что это очень забавно и прикольно.

– Непременно где-нибудь это использую, – сказал он, записал на салфетке и сунул в карман.

А я подумала: «Какого черта ты решил, что я сама это однажды где-то не использую?»

Но, естественно, это всплыло у него в следующем же фильме.

Так вот оно тогда и было. Во мне все видели лишь вдохновительницу каких-то великих мужских идей и замыслов.

Ну да и черт бы с ним...

На самом деле именно поэтому я и начала писать что-то собственное.

Симона: Я была единственной, кто пытался подвигнуть ее как-то использовать свои таланты. Все остальные норовили лишь подняться сами за ее счет.

Дейзи: Мне было совершенно неинтересно быть чьей-либо музой. Никакая я не муза.

Я сама по себе – и точка, черт возьми!

The Six

Восхождение к популярности

1966–1972

The Six начинали как блюз-рок-группа The Dunne Brothers («Братья Данн»), сложившаяся в середине 1960-х в Питтсбурге, штат Пенсильвания. Билли и Грэма Даннов вырастила мать, Марлен Данн, после того как их отец, Уильям Данн-старший, бросил семью в 1954 году.

Билли Данн (солист группы The Six): Когда отец ушел, мне было семь лет, а Грэму пять. Одно из моих первых воспоминаний детства – это как папа сообщил нам, что переезжает жить в Джорджию. Я спросил, можно ли мне поехать с ним, и он ответил «нет».

Однако он оставил после себя дешевенькую сильвертоновскую⁸ электрогитару, и мы с Грэмом чуть не дрались из-за того, кому на ней играть. Мы тогда только и делали, что на ней играли. Никто нас этому не учил, мы сами ее осваивали.

Потом, став постарше, я порой задерживался в школе, крутясь у пианино в классе пения.

В конце концов, когда мне было где-то ближе к пятнадца-

⁸ *Silvertone* – американский бренд бытовой электроники и музыкальных инструментов (1916–1972). Гитары *Silvertone* стали популярны среди начинающих музыкантов благодаря низкой стоимости и широкой доступности. – Прим. ред.

ти, мама скопила денег и купила нам с Грэмом на Рождество подержанный «страт»⁹. Грэму как раз такую гитару и хотелось, а потому я отдал ее брату, сам же остался при «сильвертоне».

Грэм Данн (соло-гитарист группы The Six): Теперь, когда у нас с Билли у каждого имелась своя гитара, мы вместе начали сочинять песни. Мне хотелось играть на «сильвертоновской», но я считал, что для Билли она значит намного больше. Так что взял себе «страт».

Билли: Вот с этого у нас все и пошло.

Грэм: Билли по уши втянулся в написание песен, всюду сочинял стихи. Все, о чем он был способен тогда говорить, – это Боб Дилан. Мне лично больше по душе был Рой Орбисон. Думаю, мы оба в те годы грезили о славе – хотели сделаться вторыми *The Beatles*. Хотя что тут говорить – все тогда метили в *The Beatles*. В первую голову – в *The Beatles*, а потом в *The Rolling Stones*.

Билли: Для меня образцами были Дилан и Леннон. И их альбомы «Свободный Боб Дилан» и «Вечер трудного дня».

⁹ «Страт», или «стратокастер», – «Фендер Стратокастер» (*Fender Stratocaster, Strat*) – одна из наиболее распространенных моделей электрогитар, разработанных в 1954 г. – *Прим. перев.*

Это нечто... Я был просто... Эти двое стали моими путеводными звездами, моими ориентирами.

В 1967 году братья Данн, музыканты еще очень молодые, пригласили к себе в группу барабанищика Уоррена Родса, бас-гитариста Пита Лавинга и ритм-гитариста Чака Уильямса.

Уоррен Родс (барабанищик группы The Six): Барабанищику без группы просто никак. Совсем не то, что быть гитаристом или певцом, – тут ты никак не можешь выступать сам по себе. И никакая девчонка не скажет тебе: «О Уоррен, дорогой, сыграй для меня партию ударных из «Эй, Джо!»»¹⁰

Так что, разумеется, чел, я хотел быть в группе. Я постоянно слушал и *The Who*, и *The Kinks*, и *The Yardbirds* и иже с ними. Мне хотелось стать как Кит Мун, или как Ринго, или как Митч Митчелл.

Билли: Уоррен мне с самого начала пришелся по душе. Ну, и Пит сразу легко вошел в группу. Он учился с нами в одной школе, был бас-гитаристом в школьной группе, что играла на нашем выпускном. Когда они распались, я предложил ему: «Пит, давай-ка к нам». Он вообще круто играл, всегда готов был зажигать.

А потом к нам добавился и Чак. На несколько лет старше

¹⁰ «Эй, Джо!» (*Hey, Joe!*) – песня американского композитора и музыканта Билли Робертса, ставшая невероятно популярной в 1960-е гг. – Прим. перев.

нас, он приехал бог знает из какой дали. Но все же Пит хорошо его знал и поручился за него. Чак выглядел таким подтянутым, видным – квадратный подбородок, блондин и все такое прочее. А когда мы его прослушали, то выяснилось, что ритм-гитарой он владеет даже лучше меня.

Мне всегда хотелось стать солистом рок-группы, и теперь, когда у нас собралась полноценная команда из пяти человек, я вполне мог попытаться воплотить свою мечту.

Грэм: Все мы стали намного лучше играть, причем довольно скоро. То есть теперь мы только тем и занимались, что упражнялись да репетировали.

Уоррен: День за днем, день за днем. Я утром вставал, хватал свои палочки и отправлялся в гараж Билла и Грэма. И если, когда я шел спать, большие пальцы ныли и саднили – значит, день выдался удачным.

Грэм: Так, а чем еще-то нам было заниматься? Подружек ни у кого из нас не было. За исключением разве что Билли. Все девчонки в округе мечтали с ним встречаться! И могу поклясться, он чуть не каждую неделю влюблялся в новую девушку. Он вообще всегда таким был, влюбчивым.

Помню, в начальной школе, во втором классе, он пригласил на свидание свою учительницу. Мама всегда говорила, что он родился юбочником. Частенько шутила, что рано или

поздно это его и доконает.

Уоррен: Мы играли на вечеринках по виллам, играли в барах там и сям. Так продолжалось где-то с полгода. Ну, может, чуть больше. Платили нам обычно пивом. Что для несовершеннолетних не так уж и плохо.

Грэм: В те годы мы чаще клубились не в самых первоклассных заведениях. Не раз бывало, что из-за чего-то вспыхивала драка, и ты боялся попасть, так сказать, под перекрестный огонь. Однажды у нас был небольшой гиг в одном дайверском баре, и там мужик за передним столиком явно перебрал и принялся на всех кидаться с кулаками. Я сижу себе, никого не трогаю, играю свои риффы¹¹ – и вдруг он подступает ко мне!

Дальше все произошло с молниеносной быстротой. Бумс! – и мужик на полу. Билли его вырубил.

У нас один раз такое уже случилось – еще когда мы были детьми. Я шел в ближнюю лавку «Все по пять и десять центов», и какой-то пацан на меня кинулся, пытаясь отобрать пару пятаков. Билли мигом к нам примчался и уложил того на землю.

¹¹ *Гитарный рифф* – мелодическая фраза или последовательность нот, аккордов, которая может повторяться в песне (во вступлении, после куплетов и припевов) или прозвучать только один раз, например между частями музыкального произведения. – *Прим. ред.*

Уоррен: Мы быстро смекнули, что не стоит плохо говорить о Грэме, если это может услышать Билли. Знаешь, когда мы только начали играть вместе, Грэм не был таким уж классным гитаристом. Помню, как-то раз мы с Питом предложили Билли:

– Может, имеет смысл заменить Грэма?

На что Билли сказал:

– Еще раз это скажете, и мы с Грэмом заменим вас. [*Смеется.*]

Если честно, мне это даже понравилось. Классный ответ! «Ну и ладно, – подумал я тогда, – не буду и вмешиваться». Меня, кстати, никогда не напрягало то, что Билли с Грэмом считали группу своей собственной. Мне вообще нравилось ощущать себя в ней всего лишь наемным барабанщиком. Я просто играл в свое удовольствие во вполне приличной группе.

Грэм: Мы в ту пору уже достаточно много где играли, чтобы о нас знали в нашем городке. А Билли как раз начал входить в роль солиста. Он, знаешь, так потрясно выглядел! Да мы все, на самом деле, смотрелись офигенно. Мы тогда вообще перестали стричься.

Билли: Я везде и всюду носил джинсы, обожал ремни с большими пряжками.

Уоррен: Грэм с Питом начали тогда носить тесные, в об-
липochку, футболки. Я говорил им: «Да у вас же соски в них
проступают». Но им это казалось крутым.

Билли: И вот нас наняли однажды играть на свадьбе: очень
важное в то время для нас предложение. Играть на свадьбе
означало, что нас будет слушать, прикинь, по меньшей мере
сотня людей. А мне тогда, кажется, было всего еще девятна-
дцать.

На прослушивании мы представили перед будущими но-
вобрачными свою наилучшую вещь. Это была самая медлен-
ная песня из всего, мною написанного, скорее даже похожая
на народную, – песня «Уже никогда». До сих пор содрогаюсь
при одной мысли об этом. Честное слово! Писал-то я ее про
«Кэтонсвилльскую девятку»¹² и прочее в том же духе. Возо-
мнил себя Бобом Диланом! Но тем не менее нас с этой пес-
ней утвердили.

И вот где-то на середине нашего выступления на той сва-
дьбе я вижу в зале мужика, уже за полтинник, танцующего с
девчонкой, которой едва пробило двадцать, и думаю: «Инте-
ресно, а этот чувак вообще понимает, что выглядит как ста-

¹² «Кэтонсвилльская девятка» – группа из девяти католиков, активистов дви-
жения против войны во Вьетнаме. В мае 1968 г. они пришли в военкомат Кэтонс-
вилла, штат Мэриленд, свалили в проволочные корзины 378 призывных карто-
чек и с молитвами сожгли их невдалеке на парковке, облив самодельным напал-
мом (той зажигательной смесью, что широко использовалась американскими во-
енными во Вьетнаме). – *Прим. перев.*

рый потаскун?»

И вдруг до меня доходит, что это мой отец.

Грэм: Папаша оказался там, на этой свадьбе, с девахой примерно нашего возраста. Мне кажется, я понял это раньше Билли. Узнал его по фотографиям, что матушка хранила в обувной коробке у себя под кроватью.

Билли: Я просто не мог поверить своим глазам! К тому моменту он уже лет десять как нас бросил. И вроде предполагалось, что он живет в Джорджии. И вот этот козел топчется прямо напротив нас, посреди танцевального зала, даже не представляя, что на сцене – его сыновья! Он уже так давно нас не видел, что совершенно не узнал. Ни наших лиц, ни голосов – вообще никак!

Когда мы кончили играть, я проводил его взглядом с танцпола. Он даже не посмотрел на нас. Это ж каким надо быть социопатом, чтобы даже не заметить собственных сыновей, когда они прямо у тебя перед глазами! Как вообще такое возможно?

По моему личному опыту, биология все же должна брать свое. Ты видишь перед собой ребенка – и просто знаешь, что это твое дитя, и не можешь его не любить. Именно так это работает.

Грэм: Билли порасспрашивал о нем кое-кого на свадьбе.

Выяснилось, что отец живет от нас всего через пару городков. Дружит с семьей невесты, что-то типа того. Билли аж кипел от злости, все повторяя: «Он ведь нас даже не узнал». А я считал, что он как раз, наверное, узнал нас – просто не знал, что нам сказать.

Билли: Не передать, какая берет злость, когда твоему отцу настолько на тебя начхать, что он не хочет с тобой даже поздороваться! Не могу сказать, что я тогда испытывал какую-то жалость к себе. Я не сидел там, стеная: «Ах, почему же он меня не любит?» Это было нечто другое – более глубокое, обобщающее, что ли. Типа: «Вот, оказывается, каким мрачным бывает этот мир. Находятся такие отцы, что не любят своих сыновей».

И вот что я тебе скажу. Для меня это был урок того, чего ну никак не должно быть.

Грэм: Похоже, он все равно был тем еще алконавтом. Так что скатертью дорога.

Билли: Когда свадьба закончилась и все наши стали паковаться, как выяснилось, я выпил слишком много пива... И вот, проходя мимо бара, я увидел *такую* женщину! [*Расплывается в улыбке.*] Она работала официанткой в баре отеля. Восхитительная красotka! Обалденно длинные каштановые волосы – аж до самой талии – и большие карие глаза. А

у меня вообще слабость к карим глазам. Помню, на ней тогда было такое голубое мини-платье. Росточка она была совсем небольшого, и мне это тоже понравилось.

И вот я застыл в вестибюле отеля по пути к своему фур-гону. А она между тем обслуживала за стойкой очередного посетителя. Знаешь, скажу так, что даже просто немного понаблюдав за ней, можно было сразу сказать, что она ни от кого бы не потерпела никаких сальностей.

Камилла Данн (жена Билли Данна): О мой бог, как же он был хорош собой!.. Стройный и вместе с тем мускулистый, что всегда было в моем вкусе. А еще у него потрясающе густые ресницы. И столько уверенности в себе! И широченная улыбка. Когда я увидела его первый раз в вестибюле, то, помнится, подумала: «Почему же мне-то никак не встретится такой парень?»

Билли: Я прямиком двинул к ней, к самой стойке бара. Можешь себе представить: в одной руке гитара, в другой – усилитель. И сказал: «Мисс, мне б хотелось узнать номер вашего телефона. Пожалуйста». Она выпрямилась за кассой, уперев руку в бок. Смешливо так фыркнула и посмотрела на меня искоса. Не помню, что именно она мне ответила, но что-то вроде: «А вдруг вы совсем не в моем вкусе?»

Тогда я пригнулся к барной стойке и сказал:

– Меня зовут Билли Данн. Я – солист группы *The Dunne*

Brothers. И если вы дадите мне свой номерочек, я напишу о вас песню.

Это возымело действие. Не всякую, скажем, женщину примешь подобным, но на хороших действует однозначно.

Камилла: Вернувшись домой, я сказала маме, что познакомилась кое с кем. И она спросила:

– Он приличный молодой человек?

А я ответила:

– Вот уж этого пока не знаю.

[*Усмехается.*] Приличия как-то никогда для меня не были особо важны.

Летом и осенью 1969 года The Dunne Brothers стали получать больше приглашений на выступления в Питтсбурге и окрестных городках.

Грэм: Когда Камилла начала появляться в нашей компании, я, признаюсь, не думал, что она продержится с Биллом намного дольше остальных. Хотя я с самого начала должен был просечь, что она совсем не такая, как другие. В том смысле, что, когда мы встретились с ней в первый раз, она пришла на наш концерт в футболке с Томми Джеймсом. То есть знала толк в хорошей музыке.

Уоррен: Остальные наши ребята, чел, уже всю гуляли по девкам. А Билли вдруг начал выпадать из обоймы. Мы все

были с девчонками – а он тихо сидел в сторонке, раскуривая косячок и попивая пиво, дабы хоть чем-то себя занять.

Как-то раз я вышел из дамской уборной, застегивая на штанах молнию, а Билли сидел в холле на диване, смотря по телику «Шоу Дика Каветта». Я сказал ему:

– Чувак, пора бы тебе сменить уже эту девушку.

То есть Камилла всем нам, конечно, нравилась. Она была очень привлекательной и умела говорить все без выкрутасов, прямо в лицо, что мне обычно по душе. Но, видишь ли... Ладно, проехали.

Билли: Прежде я не раз влюблялся чуть не до безумия, называя это любовью. Но когда я встретил Камиллу, это было нечто совершенно иное. Знаешь, она... наполнила для меня мир смыслом. Она даже заставила меня чуть больше полюбить самого себя.

Она частенько приходила на наши репетиции, слушала мои новые вещи – и высказывала порой очень дельные замечания. И в ней присутствовало какое-то удивительное спокойствие, как ни у кого другого. У меня было такое чувство, что пока я с ней рядом, то все у меня будет замечательно. Я словно держал путь на Полярную звезду. Знаешь, мне кажется, Камилле была свойственна какая-то врожденная самоудовлетворенность, согласие с самой собой. Она не рождалась с какими-то саднящими кожу осколками на плечах, как многие из нас. Про себя я обычно говорю, что родился раз-

битым и разломанным. А вот она явилась на свет цельной. Отсюда и появилось мое стихотворение «Разбитые отроду».

Камилла. Когда Билли пришел знакомиться с моими родителями, я немного нервничала. Ведь у тебя есть только один шанс, чтобы создать первое впечатление. А уж тем более с моими родителями. Я сама выбирала ему одежду для выхода, вплоть до носков. Заставила его надеть единственный имевшийся у него галстук.

Родителям он понравился. Сказали, что он обаятельный. И все же мама очень беспокоилась, что я готова вверить себя какому-то пареньку из музыкального ансамбля.

Билли: Пит был, похоже, единственным, кто понимал, зачем мне нужна постоянная девушка.

Чак однажды, когда мы распаковывались перед концертом, посоветовал:

– Скажи ей просто, что ты не однолюб. Девчонки обычно это понимают.

[*Смеется.*] С Камиллой такое бы не прокатило!

Уоррен: Чак был реально классным парнем. Умел резать правду-матку от души. С виду вроде бы ничего такого примечательного в нем не было, никаких интересных мыслей в себе не носил. Однако он умел внезапно удивить. Именно он открыл для меня *Status Quo*. До сих пор их все время слушаю.

1 декабря 1969 года Служба воинского учета США провела жеребьевку по дате рождения, чтобы определить порядок призыва на 1970 год. Билли и Грэм Данны, родившиеся в декабре, получили несказанно большие порядковые числа. Уоррен вообще успел выйти из призывного возраста. Пит Лавинг оказался где-то в середине. А вот Чаку Уильямсу, родившемуся в апреле 1949-го, присвоен был тогда номер 2.

Грэм: Чака призвали в армию. Помню, как мы сидели у Чака на кухне, и он сказал нам, что поедет во Вьетнам. Мы с Билли все пытались придумать, как бы его от этого отмазать. А Чак говорил, что он не трус. Последний раз, когда я его видел, мы играли в баре возле универа Дюкейн. И я сказал ему:

– Как отслужишь, сразу возвращайся в группу.

Уоррен: Какое-то время Билли исполнял партии Чака, но потом мы прослышали, что младший брат Пита, Эдди Лавинг, уже неплохо играет на гитаре. И мы пригласили его на прослушивание.

Билли: Чака никто не мог заменить. Но в то время нас все чаще приглашали выступать, а мне не хотелось постоянно играть на ритм-гитаре. Поэтому мы пригласили Эдди. Решили, что он на какое-то время поможет заткнуть брешь.

Эдди Лавинг (ритм-гитарист группы The Six): Я в принципе неплохо со всеми сыгрался, но знаете, скажу я, Билли с Грэмом хотели лишь, чтобы я просто тупо вписывался в ту форму, которую они для меня заготовили. Мол, играй то, делай это.

Грэм: А спустя три-четыре месяца от одного из давних соседей Чака пришла весть.

Билли: Чак погиб в Камбодже. Не пробыл там, кажется, и полугода.

Так вот сидишь иногда и думаешь: а почему это случилось не с тобой? Что в тебе такого особенного, что ты можешь оставаться в безопасности? Все же в мире много малопонятно-го, лишнего смысла.

В конце 1970 года The Dunne Brothers выступали с концертом в баре «Pint» в Балтиморе, где присутствовал Рик Марс, солист The Winters. Впечатленный их ярким, необузданным звучанием и попросту симпатизируя Билли, он пригласил парней сыграть на разогреве перед его группой в нескольких концертах гастрольного тура в северо-восточных штатах.

Так The Dunne Brothers примкнули к The Winters, быстро оказавшись под влиянием их игры, а также весьма заинте-

ресовавшись клавишницей этой группы Карен Карен.

Карен Карен (клавишница группы The Six): Когда я впервые встретилась с *The Dunne Brothers*, Грэм спросил:

– Тебя как зовут?

– Карен, – ответила я.

– А фамилия-то?

Но мне показалось, он спросил опять про мое имя, как будто не совсем расслышав. И я ответила:

– Карен.

Тогда он рассмеялся и сказал:

– Карен Карен?

И с тех пор все меня так и звали: «Карен Карен». Полностью меня зовут Карен Сирко – так указывалось на пластинках. Но «Карен Карен» ко мне прилипло накрепко.

Билли: Ко всему тому, что делали на сцене *The Winters*, Карен добавляла этакий дополнительный слой, как бы придавала их игре насыщенности, большей сочности. И я начал подумывать, а не надо ли и нам чего-нибудь такого же.

Грэм: Мы с Билли начали даже задумываться... что, может, нам нужно не что-то *типа* того, а что нам нужна сама Карен.

Карен: Я ушла из *The Winters*, потому что меня уже по

горло достало то, что все до единого в группе подумывают со мною переспать. Я-то хотела лишь оставаться музыкантом!

А еще мне понравилась Камилла. Она временами тусила с нами после концертов, когда приезжала повидаться с Билли. Понимаю, почему он хотел, чтобы она была с ним рядом, и почему постоянно созванивался с ней по телефону. От нее исходила какая-то очень хорошая энергия.

Камилла: Когда они отправились в тур с *The Winters*, я приезжала к каждому их концерту в выходные и тусовалась с ребятами за кулисами. Проведя четыре часа в машине, я добиралась наконец к нужному месту (причем обычно в этих заведениях все кругом было облеплено жвачкой, так что обувь прилипала к полу), называла на входе свое имя, меня провожали в закулисы – и я разом становилась частью всего происходящего.

Стоило мне войти – и тут же Грэм, Эдди и все остальные громко восклицали: «О, Камилла!», – и Билли немедленно устремлялся ко мне, приобнимал. А когда к ним добавилась и Карен... это лишний раз укрепило мой настрой. Вроде как: «Да, мое место здесь».

Грэм: Карен Карен стала для нашей группы просто изумительным пополнением. Все сразу зазвучало как-то лучше. К тому же она была красавицей! В смысле, в дополнение к своему таланту. Мне всегда казалось, что она немного похо-

жа на актрису Эли Макгроу.

Карен: Когда я говорила, что ребята из *The Dunne Brothers* не пытались узнать меня поближе, это совсем не относилось к Грэму Данну. Впрочем, я понимала, что нравлюсь ему в равной степени и из-за моей внешности, и из-за таланта, так что его внимание меня не сильно напрягало. На самом деле это было даже очень мило. К тому же Грэм был очень сексапильным парнем, особенно тогда, в семидесятых.

Мне вообще всегда было непонятно, почему все говорили: «Билли – секс-символ поколения». Ну да, у него были темные волосы, темные глаза и высокие скулы. Но мужчины в моем лично вкусе – не такие красавчики. Мне нравится, когда они выглядят немножко брутально, но в душе очень добрые и нежные. Грэм как раз таким и был. С широкими плечами, волосатой грудью, с взлохмаченными каштановыми волосами. Он был симпатичным – и в то же время внешне грубоватым.

Хотя не могу не признать: Билли знал толк в том, как надо носить джинсы.

Билли: Карен оказалась просто классным музыкантом. И этим все сказано. Я всегда говорю, что мне неважно, кто ты – мужчина или женщина, белый или черный, гей или гетеросексуал, или хоть кто угодно. Если ты хорошо играешь – значит, играешь хорошо. Музыка в этом смысле отлично всех

уравнивает.

Карен: Мужчины часто думают, будто заслуживают почетной таблички за то, что обращаются с женщинами как с людьми.

Уоррен: Примерно в ту пору Билли начал попивать немножко больше меры. Гудел вроде бы со всеми на равных – но когда все расходились кто куда с девчонками, которых только что подцепили, Билли оставался пить дальше. Хотя по утрам он всегда выглядел как огурчик, а мы все были как очумелые. За исключением разве что Пита. В Бостоне он встретил свою любовь, Дженни, и теперь постоянно переговаривался с ней по телефону.

Грэм: Чем бы Билли ни занимался, он все в своей жизни делает на пределе возможного. Крепко любит, крепко пьет. Даже то, как он тратит деньги – они будто дыру у него в кармане прожигают! И это было, кстати, одной из причин того, почему в отношении Камиллы я посоветовал ему все же не торопиться.

Билли: Камилла иногда куда-то выбиралась вместе с нами, но большей частью ждала меня дома. Она по-прежнему жила с родителями, и я каждый вечер непременно звонил ей с дороги.

Камилла: Когда у него не оказывалось десятицентовика, чтобы позвонить, то он звонил за счет абонента, а когда я брала трубку, быстрым речитативом говорил: «Билли Данн любит Камиллу Мартинес!» – после чего сразу сбрасывал звонок, пока не включился счетчик. [*Смеется.*] Мама всякий раз недоуменно закатывала глаза, а мне это казалось очень трогательным.

Карен: Спустя несколько недель после того, как я влилась в их группу, я решительно заявила ребятам:

– Нам нужно новое название.

The Dunne Brothers уже никак нам не подходило.

Эдди: Я давно уже говорил, что нужно новое название.

Билли: С этим названием нас узнавали, у нас было много поклонников. И мне совершенно не хотелось его менять.

Уоррен: Нам никак было не решить, как себя назвать. Кто-то даже, кажется, предложил *The Dipsticks*. А мне, например, хотелось называться *Shaggin*¹³.

Эдди: Наконец Пит сказал:

¹³ Предложенное название *The Dipsticks* в данном контексте примерно означает «Раздолбай», а *The Shaggin* – «Перепих». – Прим. перев.

– Шестерым очень трудно сойтись на чем-то одном.

И тут меня осенило:

– А как вам насчет «шестеро» – *The Six*?

Карен: Мне позвонил один концертный менеджер из Филадельфии, откуда я родом. Сказал, что *The Winters* отказались участвовать в местном фестивале. И поинтересовался, не хотим ли мы без них сыграть там.

– Еще как хотим! – ответила я. – Только вот называемся мы теперь не *The Dunne Brothers*.

– И как вас указать на флайере? – уточнил он.

– Пока точно не знаю, но мы вшестером однозначно к вам закатимся.

И мне очень понравилось, как это прозвучало: «*вшестером*» – *The Six*.

Уоррен: Прелесть такого названия отчасти заключалась в том, что оно звучало почти как *The Sex*. Но не припомню, чтобы кто-то из нас когда-то заикался на эту тему. Это было настолько очевидно, что не было надобности как-то заострять на ней внимание.

Карен: Мне и в голову не приходило, что это может звучать как что-то еще.

Билли: *The Sex*? Да ну! Не, ничего подобного там не зву-

чало.

Грэм: На слух оно воспринималось как *sex*. По большей части – да.

Билли: В Филадельфии мы тогда впервые выступили как *The Six* – и сразу же получили предложение дать в городе еще один концерт. А еще один – в Гаррисберге, другой – в Аллентауне. А еще нас пригласили играть в новогоднюю ночь в одном знакомом баре в Хартфорде.

Зарабатывали мы тогда не слишком много. Но я готов был потратить последний доллар, чтобы, пока я дома, сводить куда-нибудь Камиллу. Мы частенько ходили в пиццерию в нескольких кварталах от дома ее предков, а иногда я занимал денег у Грэма или Уоррена, чтобы пригласить ее в местечко получше. Она всякий раз говорила, чтобы я заканчивал с этой ерундой.

– Если бы мне хотелось быть рядом с богачом, я бы не дала свой номер телефона какому-то певцу на свадьбе.

Камилла: Билли обладал удивительной харизмой. И я купилась на это. Я всегда была к такому слаба. Этот его задумчивый, чарующий взгляд, способный растопить душу. Большинство моих подружек выискивали себе парней, что в состоянии преподнести богатое кольцо. А я всегда ждала человека удивительного... способного *заворожить*.

Грэм: Году в семьдесят первом мы подписались сразу на несколько концертов в Нью-Йорке.

Эдди: Нью-Йорк – это... Это когда начинаешь понимать, что ты что-то все-таки да значишь.

Грэм: Как-то вечером мы играли в баре отеля *Bowery*, а рядом на улице покуривал сигарету знакомый чувак по имени Род Рейес.

Род Рейес (менеджер группы The Six): Билли Данн был настоящей рок-звездой. Это было сразу по нему видно. Исключительно самоуверенный, он всегда отлично знал, на кого именно в толпе играть, и его песни неизменно заводили аудиторию.

Такая харизматичность – вообще особое качество, присущее лишь исключительным людям. Возьмите, к примеру, девять человек и Мика Джаггера, выставьте их шеренгой – и любой человек, в жизни не слышавший о *The Rolling Stones*, тут же ткнет пальцем в Мика и скажет: «Вот этот – рок-звезда».

Вот и у Билли такое было. Да и вообще играла группа классно.

Билли: Когда Род подошел к нам после концерта

в *Wreckage*... Это стало для нас поворотным моментом.

Род: Когда я начал работать с их группой, у меня сразу появились кое-какие соображения. Некоторые из них были восприняты хорошо, некоторые... скажем, не очень.

Грэм: Род сказал, что мне следует наполовину урезать свои гитарные соло. Дескать, они интересны лишь тем, кто тащится от самой техники игры на гитаре, а для всех остальных это одна скука.

– Зачем же мне играть для тех, кому плевать на хорошую игру? – не понял я.

– Если хочешь стать мегапопулярным, – сказал Род, – ты должен выкладываться для всех.

Билли: Род мне посоветовал, чтобы я перестал сочинять песни о том, чего я знать не знаю.

– Не надо заново изобретать колесо, – сказал он. – Пиши о своей девушке.

О своей девушке? Легко!

Это был лучший совет во всей моей карьере.

Карен: Мне Род посоветовал носить блузы с глубоким вырезом, а я ему ответила типа: «Ага, мечтай!» На этом все и кончилось.

Эдди: Род начал организовывать для нас концерты по всему Восточному побережью. От Флориды до Канады.

Уоррен: Вот я сейчас скажу тебе, когда для рок-музыканта самая приятная, самая излюбленная пора. Все думают – когда ты уже на самом верху. Ан нет! Вовсе не так. Это когда ты живешь под напряжением и весь кипишь ожиданиями. Классно, когда все видят, что ты куда-то целеустремленно мчишься, что у тебя немерено потенциала и масса перспектив. Потенциал и перспектива – это вообще офигенный драйв!

Грэм: Чем дольше мы мотались по гастролям, тем необузданнее становились. А Билли был не совсем, знаешь... Видишь ли, Билли любил внимание. Особенно со стороны женщин. Впрочем – по крайней мере, на тот момент, – этим все и заканчивалось. Всего лишь вниманием.

Билли: Мне нелегко было держаться равновесия, этакой золотой середины. Любить кого-то, оставшегося далеко дома – и разъезжать по гастролям. Девчонки постоянно пробирались за кулисы, причем познакомиться они желали именно со мной. И я был... я не знал, какими у нас должны быть отношения.

Камилла: Между нами с Билли стали вспыхивать ссоры.

Теперь я понимаю, что тогда я добивалась чего-то неосуществимого. Мне хотелось встречаться с рок-звездой – и в то же время я желала, чтобы он в любой момент был для меня в пределах доступа. И ужасно бесилась, когда он не мог делать то, что мне хотелось. Что ж, я была еще молода. Равно как и он.

Порой размолвки заходили так далеко, что мы не разговаривали по несколько дней. А потом кто-нибудь из нас звонил другому, просил прощения – и все между нами возвращалось в прежнее русло. Я любила его и знала, что он тоже меня любит. Хотя это было далеко не просто. Но, как частенько напоминала мне мама: «То, что легко, тебя никогда не привлекало».

Грэм: Как-то вечером мы с Билли были еще у себя дома и грузились в фургончик, собираясь то ли в Кентукки, то ли в Теннесси, то ли еще куда. Камилла пришла нас проводить. И когда Род подъехал к нашему фургону, Билли стал с ней прощаться.

Он отвел волосы с лица Камиллы и приник губами к ее лбу. Помню, он даже и не поцеловал-то ее толком, лишь прижался ко лбу губами. И я тогда подумал про себя: «А я ведь никогда и никем еще так не дорожил».

Билли: Я написал в честь Камиллы свою «Сеньору», и, скажу тебе, публике эта песня очень пришлась по душе. До-

вольно скоро даже на самых крупных наших концертах народ вставал с мест, принимаясь танцевать и подпевать нам.

Камилла: У меня как-то не хватило духу сказать ему, что формально я все-таки еще «сеньорита». В смысле, не это было главное. К тому же стоило мне один раз ее услышать...

Дай понесу тебя с собою на плечах.
И пусть дорога длинна, а ночь черным-черна,
Мы два отважных путника в неведомых краях —
Я и ты, моя бесценная сеньора.

Мне она понравилась. Я очень полюбила эту песню.

Билли: Мы тогда сделали демозапись «Сеньоры» и «Когда на тебя светит солнце».

Род: Фактически все мои контакты на ту пору были в Лос-Анджелесе. И я сказал группе... Было это, если не ошибаюсь, году в семьдесят втором... Я сказал им:

— Надо нам, ребята, двигать на Запад.

Эдди: Все самое клёвое творилось именно в Калифорнии.

Билли: Я лишь подумал: «Что-то сидит во мне такое, что неудержимо тянет туда».

Уоррен: Я готов был махнуть хоть сразу. Сказал:
– Дык, грузимся тогда в фургон!

Билли: Я пошел к Камилле, в дом ее родителей, сел к ней на край постели.

– Хочешь отправиться с нами?

– А что я там буду делать? – спросила она.

– Не знаю.

– Ты хочешь, чтобы я просто повсюду болталась за тобой?

– Можно и так сказать.

Она выждала мгновение, потом ответила:

– Нет, спасибо.

Тогда я спросил ее, останемся ли мы с ней вместе.

– А ты сюда вернешься? – уточнила она.

И я ответил, что не знаю.

– Тогда нет, – ответила Камилла.

То есть дала мне отставку.

Камилла: Я была очень зла тогда. Оттого, что он уезжает.
И вспылила. Я не знала, как реагировать на его слова.

Карен: Камилла позвонила мне перед самым нашим отъездом. Сказала, что она порвала с Билли.

– Мне казалось, ты его любишь, – заметила я.

– Но он даже не попытался меня убедить! – вскричала она.

– Если ты его любишь, надо было сказать ему об этом.

– Это ведь он уезжает! – возразила она. – Это он должен как-то улаживать ситуацию.

Камилла: Любовь и гордость – вещи разные.

Билли: А что я мог поделаться? Она не пожелала со мной ехать, а я... я просто не мог остаться.

Грэм: И вот мы сложили вещички, сказали маме «до свиданья». Она тогда уже вышла замуж за почтальона. То есть я знал, что его зовут Дейв, но до самой его смерти так и называл его почтальоном. Он ведь доставлял к ней в офис почту. Что тут скажешь – почтальон.

В общем, оставили мы матушку с ее почтальоном и забрались в фургон.

Карен: Мы давали концерты на всем нашем пути от Пенсильвании до Калифорнии.

Билли: Камилла сделала свой выбор, и с досады я постоянно думал: «Ну и ладно, буду, значит, один. Посмотрим, как ей это понравится».

Грэм: Билли прямо с катушек съехал в той поездке.

Род: Надо сказать, вовсе не женщин я опасался тогда в от-

ношении Билли. Хотя и женщин рядом было предостаточно. Но Билли настолько нажирался в хлам после каждого концерта, что к следующему вечеру я его будил самыми настоящими пощечинами – в такой он бывал отключке.

Камилла: Мне было тошно без него. Я злилась на себя, кушала локти. И так каждый день. По утрам просыпалась в слезах. Мама все говорила, чтобы я поехала за ним. Чтобы вернула наши отношения. Но мне казалось, уже слишком поздно было все исправить. Он двинулся по жизни без меня. Он стремился воплотить свои мечты. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Уоррен: Когда мы прибыли в Лос-Анджелес, Род разместил нас в нескольких номерах отеля *Hyatt House*.

Грег МакГиннесс (бывший консьерж отеля Continental Hyatt House): О чел, я бы мог сказать, что, разумеется, помню, как к нам заселились *The Six* и как они у нас весело проживали. Но я этого не припомню. Тогда столько всего вокруг происходило, столько разных групп у нас перебывало, что и не уследишь. Помню, позднее я встречался с Билли Данном и Уорреном Родсом, но тот момент – их первый к нам приезд – как-то в памяти не отложился.

Уоррен: Род обзвонил своих людей, и мы стали давать бо-

лее масштабные концерты.

Эдди: Лос-Анджелес был для нас просто улёт! Куда ни глянешь – везде народ, любивший играть музыку, любивший погудеть-повеселиться. Я даже подумал: «Какого черта мы сюда раньше не приехали?!» Девчонки там были раскрасавицы, бухло – дешевое.

Билли: Мы дали сразу несколько гигов недалеко от Голливуда. В *Whisky*, в *Roxy*, в *P. J's*. Я как раз написал тогда новую песню «Вдали от тебя» о том, как сильно тоскую по Камилле, как далеко я от нее.

Когда мы попали на бульвар Сансет-Стрип, казалось, будто мы действительно очутились наконец на своем настоящем месте.

Грэм: Все мы стали гораздо лучше одеваться. В Лос-Анджелесе хочешь не хочешь, а приходилось реально подниматься над собой. Я начал там носить рубашки с застегнутыми лишь наполовину пуговицами. Мне казалось, это чертовски сексуально.

Билли: Примерно тогда я не на шутку прикипел к... Как это нынче называют? К «канадскому смокингу»? Я носил джинсы и рубашку из денима буквально каждый божий день.

Карен: Мне казалось, что когда я одета в мини-юбку с сапогами или во что-то в том же духе, то не могу полностью сосредоточиться на игре. То есть мне нравилось, как я в этом выгляжу, но все же чаще всего я носила джинсы с высокой талией и водолазку.

Грэм: Карен в этих своих водолазках была просто безумно сексуальна!

Род: Когда ребята начали притягивать к себе достойное внимание публики, я организовал им концертик в ночном клубе *Troubadour* в Западном Голливуде.

Грэм: «Вдали от тебя» была песня суперская. И сразу ощущалось, что Билли ее глубоко прочувствовал. Билли вообще никогда не умел прикидываться. Когда он страдал от боли или исполнялся радостью – это невозможно было не понять.

В ночь, когда мы выступали в *Troubadour*, я посмотрел на Карен – она вся была поглощена игрой. Потом посмотрел на Билли – тот пел, изливая свою душу. И я подумал: «Блин, это наш лучший гиг!»

Род: В какой-то момент в конце зала я увидел Тедди Прайса. Тот стоял и с интересом слушал. Мне еще не довелось с ним познакомиться, но я знал, что он продюсер, сотрудничающий со звукозаписывающей компанией *Runner Records*.

У нас с ним даже было несколько общих друзей. После концерта он подошел поближе, отыскал меня и сказал:

– Мой помощник слышал ваших ребят в *P. J.'s*. Я обещал сходить послушать.

Билли: Мы спускаемся со сцены, и Род подводит к нам нереально высокого и тучного дядьку в очень приличном костюме и говорит:

– Билли, хочу познакомить тебя с Тедди Прайсом.

И первое, что говорит мне Тедди (а ты, может быть, помнишь, что у него был очень сильный аристократический британский акцент):

– У вас чертовски талантливо выходит писать об этой девушке.

Карен: Тогда Билли вел себя как пес, который находит себе хозяина. Билли так хотелось угодить Прайсу, так хотелось получить контракт на звукозапись. У него едва слюни не капали от этого желания.

Уоррен: Тедди Прайс был страшен на лицо как смертный грех. С такой физиономией, которую лишь родная мама способна любить. [*Смеется.*] Я, конечно, сгущаю краски. Но все равно он был ужасен. Но что мне нравилось – что сам он, похоже, вообще не парился этим вопросом.

Карен: Вот оно – счастье родиться мужчиной. Отвратная наружность для тебя – еще не приговор.

Билли: Я пожал Тедди руку, и он поинтересовался, есть ли у меня еще такие же замечательные песни, как те, что он только что слышал.

– Да, сэр, – кивнул я.

– И каким вы видите будущее своей группы через пять лет? Или, скажем, через десять?

– Мы станем лучшей в мире группой, – не раздумывая ответил я.

Уоррен: В ту ночь я впервые оставил свой автограф на титьках. Подходит ко мне одна деваха, расстегивает блузку и говорит такая: «Подпиши!» Ну, я прямо на ней и расписался. Знаешь, скажу я тебе, такое запоминается на всю жизнь.

Уже на следующей неделе Тедди навестил музыкантов на их репетиционной площадке в долине Сан-Фернандо и прослушал семь специально подготовленных для этой встречи песен. Вскоре после этого группу пригласили в офис компании Runner Records, представили главному ее руководителю Ричу Палентино и предложили подписать контракт на запись и распространение композиций. Тедди Прайс лично выступал продюсером их альбома.

Грэм: Где-то около четырех часов дня мы подписали контракт, и как сейчас помню: выходим мы на бульвар Сансет, всей шестеркой, солнце сразу бьет по глазам, и впервые чувствуем, как Лос-Анджелес широко раскрывает для тебя объятия: «Вливайся, детка!»

Несколько лет назад я увидел на одном пацане футболку с надписью: «На мне темные очки, потому что мое будущее слишком ослепляет». И я подумал тогда, что тот мелкий грызёныш, что ее носил, и понятия не имеет, о чем там говорится. Он никогда не стоял на бульваре Сансет – так, чтобы солнце слепило глаза, чтобы рядом с тобой были пять твоих лучших друзей, а в заднем кармане лежал контракт на запись первого альбома.

Билли: Вечером вся наша компания отмечала это знаменательное событие в *Rainbow*, а я ушел из заведения и дошагал до ближайшего уличного телефона-автомата. Только представь: ты достиг, казалось бы, самой дикой своей мечты – и чувствуешь внутри себя пустоту. Все это ничего для меня не значило, пока я не разделю это с Камиллой. И вот я позвонил ей.

Когда слышались гудки, сердце у меня заколотилось как бешеное. Я пощупал пульс – он бился неимоверно сильно. Но когда Камилла сняла трубку, возникло ощущение, будто я опустился в постель после долгого, трудного дня. Даже просто услышав ее голос, я сразу почувствовал себя на-

много лучше и спокойнее.

– Я тоскую по тебе, – сказал я. – Мне кажется, я не могу без тебя жить.

– Я тоже по тебе тоскую, – отозвалась она.

– Зачем мы это делаем? Ведь нам с тобою предназначено быть вместе.

– Да, я знаю, – ответила она.

Мы оба помолчали, и я спросил:

– Будь у меня контракт на звукозапись, ты бы вышла за меня замуж?

– Что? – встрепелась она.

Камилла: Окажись это правдой, я бы ужасно обрадовалась за него. Ведь он столько работал ради этого!

Билли: Я спросил ее снова:

– Если бы у меня был контракт на запись альбома, ты бы вышла за меня замуж?

– Ты подписал контракт?! – вскрикнула она.

Вот именно в тот момент я и осознал до конца, что Камилла – моя вторая половина, моя подруга сердца. Новость о контракте на запись моего альбома взволновала ее куда сильнее, чем нечто другое.

– Ты не ответила на мой вопрос, – напомнил я.

– Так ты подписал контракт? Да или нет?

– Ты выйдешь за меня? Да или нет?

Долгое мгновение Камилла ничего не отвечала, потом тихо произнесла:

– Да.

И тогда я тоже ей ответил:

– Да.

Тут она от радости завопила, заулюлюкала.

– Езжай ко мне сюда, милая, – сказал я. – Давай поженимся.

Тусовщица

1972–1974

Всерьез нацелившись сделать себе имя далеко за пределами Сансет-Стрип, Дейзи Джонс начала писать собственные песни. Вооруженная лишь бумагой и авторучкой, без какого-либо музыкального образования, Дейзи создала целый сборник песен, который довольно скоро увеличился в объеме и вместе с черновыми набросками насчитывал уже более сотни текстов.

Как-то раз вечером, летом 1972 года, Дейзи отправилась на концерт группы Mi Vida в клубе Ash Grove. Она встречалась тогда с их фронтменом Джимом Блэйдсом. В конце выступления Джим пригласил Дейзи на сцену спеть вместе с группой кавер «Сын проповедника».

Симона: Дейзи на ту пору отрастила длиннющие волосы и избавилась от челки. Притом она постоянно носила в ушах крупные кольца и никогда не надевала туфли. В целом же смотрелась просто потрясающе.

В тот вечер в Ash Grove мы с ней сидели в самом конце зала, и Джим пытался вызвать Дейзи на сцену, а она все отнекивалась. Но поскольку он уговаривал чуть ли не всю ночь, Дейзи наконец все-таки вышла к нему петь.

Дейзи: Ощущение у меня было совершенно нереальное. Все эти люди смотрели на меня во все глаза, ожидая, что вот-вот что-то произойдет.

Симона: Когда она начала петь вместе с Джимом, то казалась поначалу робкой, зажатой, так что я даже удивилась. Но по мере исполнения песни Дейзи все больше и больше вытягивалась и где-то на втором припеве наконец раскрепостилась. И вот она засияла улыбкой. Она была счастлива на сцене. И публика просто не могла оторвать от нее глаз. Уже в самом конце композиции Джим перестал петь, предоставив ей возможность заканчивать одной. Дейзи буквально взорвала зал.

Джим Блэйдс (солист группы Mi Vida): Дейзи обладала совершенно невероятным голосом, немного грубоватым, но нисколько не скрипучим. Казалось, будто у нее в горле камни, по которым перекатывается звук. И за счет этого все, что она пела, сразу казалось каким-то более насыщенным, более интересным и, я бы сказал, даже непредсказуемым. Сам я никогда не обладал особым голосом. Если твои песни достаточно хороши, то, чтобы исполнять их, нет надобности иметь какой-то вокальный дар. Но Дейзи – воистину! – обладала им в полной мере.

Она всегда пела как-то из глубины себя, из самого нутра. У людей годы уходят на то, чтобы этому научиться, а Дейзи делала это совершенно естественно, без напряжения – сидя ря-

дом с тобой в машине или складывая вещи после стирки. Я постоянно пытался уговорить ее петь вместе со мной, но она все время отказывалась — до того вечера в *Ash Grove*.

Думаю, мне удалось все же убедить Дейзи петь на публике лишь потому, что ей очень хотелось прославиться в качестве автора. Я сказал ей: «Самое главное, что ты можешь сделать для своих песен — это исполнять их самой». Величайшим ее преимуществом на сцене было то, что люди не могли оторвать от Дейзи взгляд. И я посоветовал ей непременно этим пользоваться.

Дейзи: Мне показалось, Джим на самом деле хочет сказать, что всем совершенно плевать на то, что я там пою, если они смогут на меня пялиться. Джиму всегда удавалось меня взбесить.

Джим: Если не изменяет память, она даже швырнула в меня губной помадой. А потом, подуспокоившись, спросила меня, где бы ей попытаться выйти со своими песнями.

Дейзи: Мне хотелось, чтобы мои песни слышали. И потому я начала понемногу выступать по Лос-Анджелесу. Исполняла то тут, то там пару-тройку собственных песен, кое-что пела вместе с Симоной.

Грег МакГиннесс: С кем только Дейзи тогда не встреча-

лась! Прикинь только, чел, какая драка разыгралась между Тиком Юном и Ларри Хэпменом возле *Licorice Pizza*, когда Тик аж рассек Ларри бровь. Оба как с цепи сорвались! Я видел это своими глазами. Отправился купить себе диск «Темная сторона Луны»¹⁴. Когда, бишь, это было? В конце семьдесят второго, кажется? Или в начале семьдесят третьего? Помню, сунулся на улицу – а там Тик сцапал Ларри в «стальной захват». Народ, топтавшийся рядом, сказал, что они дрались из-за Дейзи.

А еще я слышал, что Дик Поллер и Фрэнки Бейтс пытались подбить ее записать с ними песню и что она отказала им обоим.

Дейзи: Внезапно как-то сразу много разных мужичков стали убеждать меня записаться. Причем каждый из них изъяснял желание сделаться моим менеджером. Но я-то уже понимала, что это означает. В Лос-Анджелесе полно подобных деятелей, только и ждущих, когда какая-нибудь наивная девочка поверит в их трепотню.

Хэнк Аллен показался мне наименее вкрадчивым, а еще он был единственным, кого я могла подолгу выносить.

К тому моменту я уже уехала из родительского дома и поселилась в отеле *Chateau Marmont*. Сняла у них коттеджик

¹⁴ «Темная сторона Луны» (*The Dark Side of the Moon*) – самый успешный студийный альбом британской рок-группы *Pink Floyd*, выпущенный в марте 1973 г. – Прим. перев.

позади главного здания. Так вот, Хэнк постоянно отирался у моих дверей, оставляя мне всевозможные послания. Впрочем, он был единственным из всех, кто говорил не только обо мне, но и о моих песнях.

И я наконец сказала ему: «Ну ладно, хочешь быть моим менеджером – будь им».

Симона: Когда мы познакомились с Дейзи, я была пробивнее и круче ее, потому что я старше. Но в начале семидесятых Дейзи меня быстро опередила.

Помню, однажды я была у нее в *Marmont* и заглянула в стенной шкаф. А там битком набито халстоновских¹⁵ длинных платьев и комбинезонов. Я спрашиваю:

– Когда ты только успела закупить столько?

– А, да мне их просто прислали, – отмахивается она.

– Кто?

– Некто, работающий у Халстона.

И это девица, еще не выпустившая ни единой своей работы! Ни альбома, ни даже сингла. И в то же время она была во всех тогдашних журналах на фото с рок-звездами. И все ее уже любили!

Что греха таить, я тогда тоже прибарахлилась по случаю халстоновскими нарядами.

¹⁵ *Рой Халстон Фроуик* (1932–1990) – американский дизайнер, известный своими моделями длинных платьев, невероятно популярных в 1970-е гг. Сегодня в Нью-Йорке существует Дом моды *Halston*. – *Прим. ред.*

Дейзи: Я отправилась в *Larrabee Sound* на запись песни, которую попросил сделать Хэнк. Кажется, это была одна из песен Джексона Брауна. Хэнк желал, чтобы я спела ее каким-то слащавым тоном, а это было совсем не мое. Я спела ее так, как хотелось мне. Немного грубовато, с легким придыханием. Тогда Хэнк сказал:

– А не могли бы мы просто сделать хоть один заход, чтобы ты спела это спокойно и гладко, может, на тональность выше?

– Не-а, – отрезала я и, схватив свою сумочку, ушла.

Симона: Вскоре после этого она подписала контракт с *Runner Records*.

Дейзи: Меня ничто на самом деле не привлекало, кроме сочинения песен. Петь, конечно, было здорово, но мне не хотелось оставаться куклой, исполняющей кем-то там написанные слова. Мне хотелось петь собственные тексты.

Симона: Дейзи не ценила то, что давалось ей легко, само собою. Ни деньги, ни внешность, ни даже голос. Она хотела, чтобы люди ее *услышали*.

Дейзи: Я заключила договор с *Runner Records*. Но текста контракта даже не прочитала.

Мне не хотелось читать контракт и тратить время на то, чтобы узнать, в качестве кого они меня там видят, за что собираются платить и чего от меня ожидают. Мне хотелось лишь писать свои песни и ловить кайф.

Симона: Они назначили Дейзи так называемое стартовое совещание. Я заранее приехала к ней домой, мы вместе подобрали для нее идеальный наряд, прогнали сборник ее песен, чтобы все выглядело в лучшем виде. Когда в то утро Дейзи отправилась в студию, то казалось, она плывет по воздуху.

Однако пару часов спустя она пришла ко мне домой, и я сразу же поняла: у нее что-то не слава богу.

– Что стряслось? – спросила я.

Она лишь мотнула головой и прошла мимо меня на кухню. Там взяла бутылку шампанского, которое мы купили специально, чтобы отметить событие, выбила пробку и отправилась в ванную. Я поспешила за ней. Она уже наполняла ванну. Дейзи стянула с себя одежду и улеглась в воду. Глотнула шампанского прямо из горлышка бутылки.

– Расскажи, что случилось-то, – сказала я.

– Я им не интересна, – отозвалась она.

Как я поняла, на стартовой встрече ей вручили список песен, которые от нее ожидали услышать. Какой-нибудь набор из популярного каталога. Что-нибудь вроде «Улетаю на реактивном самолете» Джона Денвера, которую кто только не пел.

– А с твоими песнями что? – спросила я.

– А мои песни им не понравились.

Дейзи: Они просмотрели весь мой сборник, но не нашли там ничего – вообще ни единой песни, – что, по их мнению, я могла бы записать.

– А как же вот эта? – стала показывать я. – Или эта? Или эта вот песня?

Я сидела за столом для совещаний перед Ричем Палентино и в панике листала свой песенный сборник. Я решила, что они, должно быть, его просто не читали. А они всё твердили, что мои песни еще «сырые» и что я еще, мол, не готова заявить о себе как автор-исполнитель.

Симона: В ванне она надралась в дупель, и все, что мне оставалось, – это позаботиться о том, чтобы, когда она там вырубится, вытащить ее и уложить в постель. Что я, естественно, и сделала.

Дейзи: Наутро я уехала к себе. Попыталась избавиться от своих мыслей и переживаний, плавая в бассейне. Когда это не помогло, выкурила несколько сигарет, потом зашла в дом, втянула одну за другой несколько «дорожек». Затем явился Хэнк и попытался меня успокоить.

– Выпутай меня из этого как-нибудь, – попросила я его.

А он принялся говорить, будто я сама не хочу ниоткуда выпутываться.

– Нет, хочу! – вскричала я.

– Нет, не хочешь!

Я настолько разозлилась, что прыгнула в машину и умчалась так быстро, что Хэнк не смог меня догнать. Я приехала к *Runner Records*. Лишь на парковке до меня дошло, что я по-прежнему в лифчике от купальника и джинсах. Я прошагала прямо в кабинет Рича Палентино и разорвала наш контракт. Рич только рассмеялся и сказал:

– Хэнк мне позвонил и предупредил, что ты можешь такое выкинуть. Солнышко, с контрактами такой номер не проходит.

Симона: Дейзи была как Кэрол Кинг, как Лаура Ниро. Она могла бы быть даже как Джони Митчелл. А они хотели, чтобы она стала как Оливия Ньютон-Джон.

Дейзи: Я вернулась к себе в *Marmont*. Я всю редела, тушь текла по всему лицу. Хэнк ждал меня, сидя на крыльце дома.

– Не хочешь это дело просто переспать? – посоветовал он.

– Я не смогу спать. Я приняла слишком много кокаина и еще много дексиса.

Тогда он сказал, что у него для меня кое-что есть. Я решила, он хочет всучить мне какой-нибудь транквилизатор – типа, лучше что-то, чем ничего. Но он дал мне секонал. Я отключилась в мгновение ока, а когда проснулась, то почув-

ствовала себя намного лучше. Ни похмелья, ни каких-либо остаточных ощущений – ничего. Впервые в жизни я спала сном младенца.

Вот с тех самых пор дексис служили мне днем, а «красненькие», то есть секонал, – ночью. И заливалось все это шампанским.

Хорошая жизнь, верно? Вот только ничего хорошего мне такая хорошая жизнь не принесла. Но тут уж я забегаю немного вперед.

Дебют

1973–1975

The Six между тем обосновались в Лос-Анджелесе, в каньоне Топанга, арендовав домик в горах. Они готовились записывать свой первый студийный альбом. А Тедди вместе с командой звукотехников под руководством звукорежиссера Арти Снайдера тем временем обустроивали себе мастерскую в звукозаписывающей студии Sound City Studios в районе Ван Нэйс, в пригороде Лос-Анджелеса.

Карен: Когда мы только заселились в этот дом, я подумала: «Ну, прямо как на свалке!» Старая, покосившаяся входная дверь со скрипучими петлями, в окнах – потрескавшиеся витражи. Мне там ужасно не понравилось. Но где-то неделю-другую спустя в Лос-Анджелес приехала Камилла. Она прокатилась по длинной подъездной дороге сквозь лес, выбралась из машины, прошла в дом и воскликнула:

– Ого! С ума сойти, как тут здорово!

Ну, а когда она сказала, что дом у нас вообще классный, я и сама стала воспринимать его иначе.

Камилла: Дом окружали густые заросли розмарина, и мне это невероятно понравилось.

Билли: Представляешь, как замечательно получилось, что Камилла снова со мной! Так чудесно было снова сжимать ее в объятиях! Мы собирались пожениться, и я поселился в Лос-Анджелесе и готовился вместе с братом записать студийный альбом. Вся моя жизнь словно озарялась тогда золотым сиянием.

Уоррен: Грэм и Карен выбрали по отдельной комнатке рядом с кухней. Пит с Эдди заняли гараж. Билли с Камиллой пожелали жить в мансарде. Так что мне досталась единственная спальня с уборной.

Грэм: У Уоррена в спальне был туалет. Он всем говорил, что у него своя уборная, но это не так. На самом деле в его комнате стоял толчок. Просто толчок в углу спальни.

Билли: Тедди оказался «совой». Так что мы все вместе с вечера отправлялись в студию и работали там до глубокой ночи, а то порой и до утра.

Когда мы делали запись, весь прочий мир переставал для нас существовать. Представляешь: ты сидишь в темной студии, и в мыслях – одна лишь музыка.

Мы с Тедди вообще... ну, просто по уши ушли в это дело. То меняли темп мелодии, то тональность, то я подыгрывал на каком-нибудь новом инструменте – пытались перепробовать буквально все. В студии я полностью отдавался музыке. Но

потом возвращался домой и видел спящую Камиллу посреди помятых простыней. Обычно малость подшофе, я тихонько проскальзывал в постель с нею рядом.

А вот все свои утренние часы я проводил с Камиллой. Знаешь, как многие пары выходят куда-то вместе поужинать – так же мы с Камиллой выбирались завтракать. Самыми любимыми моими утрами стали те, когда у меня по возвращении из студии даже не возникало желания сомкнуть глаз. Камилла просыпалась, и мы с ней ехали на машине в Малибу и завтракали где-нибудь у шоссе Пасифик-Кост.

Каждое утро она заказывала одно и то же: чай со льдом без сахара и три ломтика лимона.

Камилла: Чай со льдом, три ломтика лимона. Или содовая с двумя ломтиками лайма. Или мартини с двумя оливками и луком. У меня особенный выбор напитков. [*Смеется.*] У меня вообще во многом особенный выбор.

Карен: Знаете, многие считают, будто Камилла повсюду следовала за Билли, постоянно заботилась о нем, но это не совсем так. Она была значимой силой, с которой необходимо было считаться. Она умела получить то, что желала. Почти все и всегда. Она умела быть напористой и добиваться своего – хотя при этом ты ни сном ни духом не подозревал, что тебя подавляют. У нее всегда имелось собственное четкое мнение, и она знала, как достичь своей цели.

Помню, было раз такое, что они с Билли спустились утром в гостиную – где-то уже около полудня. Мы все сидели там, как были ночью, в джинсах, и в студию в тот день собирались отправиться намного позже. Камилла предложила:

– Как насчет грандиозного завтрака? С блинами, вафлями, жареным беконом, яичницей – по полной программе?

Но Билли уже прослышал, что мы с Грэмом собирались поехать загрузиться по бургеру, и захотел отправиться вместе с нами.

А потому Камилла сказала:

– Так я вам всем сделаю сейчас по бургеру.

Ну, мы ответили «ладно». И вот она послала Билли в ближайший магазин за мясом для гамбургера и велела ему заодно прикупить и бекон. А еще и яйца на завтра.

А спустя некоторое время разожгла гриль и зашла нам сказать, что мясо, которое привез Билли, на ее взгляд, совсем не «ах», так что она просто поджарит бекон. А пока бекон готовится, может заодно сделать яичницу. А раз уж все равно достала яйца, то приготовит еще и блинчики.

И как-то так оказалось – а было уже полвторого, когда мы все дружно уселись за стол к позднему завтраку, – что ни единого бургера у нас не наблюдалось. Все было, конечно, обалденно вкусно, и никто, кроме меня, даже и не заметил, что именно сделала Камилла.

Вот это качество мне в ней ужасно нравилось! Она вовсе не была тихоней, вечно ждущей чего-то у стеночки. Просто

для того, чтобы разглядеть это в ней, требовалось внимание.

Эдди: Все наши почти всегда отсутствовали – по крайней мере, большую часть времени, – и я как-то предложил Камилле, чтобы она немного помогла по дому. Прибраться там, может, – ну, сама понимаешь. Однажды я сказал ей:

– Может, пока нас нет, ты приберешься тут хоть немного?

Камилла: Я ответила:

– Хорошая мысль.

И даже не притронулась к уборке.

Грэм: Времечко было напряженное. Билли все время писал песни. Мы постоянно отработывали то один фрагмент, то другой. Только в студию и обратно – даже спали порой прямо там.

И столько раз ночами мы с Карен просиживали там до самого восхода – отработывая какой-то рифф или целую тему.

Уоррен: В ту пору я отрастил усы. Прикинь, ведь многие мужчины не могут отрастить себе нормальных усов. Но у меня это получилось. Я отрастил их, когда мы записывали наш первый альбом, – и больше их так и не сбрывал.

Хотя нет, однажды было дело, я их сбрил – и чувствовал себя потом точно кот без шкуры, так что быстро отрастил их снова.

Грэм: Запись альбома – а уж тем более дебютного – требует чуть не всего тебя. Билли же вообще заикнулся на этом. Думаю, именно поэтому – когда все могли при желании нюхнуть кокса прямо в студии, – именно поэтому он начал делать себе «дорожки» каждый день. Чтобы всегда оставаться в ударе.

Билли: Я преисполнился решимости сделать все, чтобы наш альбом стал величайшим творением всех времен и народов. [*Смеется.*] Или скажем так: я тогда был еще не в курсе, что некоторые вещи можно до поры оставить в перспективе.

Эдди: Билли подгрел под себя чуть ли не все, что относилось к записи альбома. И Тедди этому попустительствовал.

Билли не просто сочинял для нас песни – он прописывал партию для каждого. Он всегда во все совал свой нос. Он, видишь ли, смыслил и в гитаре, и в клавишных, знал, чего хочет от ударных. Разве что на Пита он не давил так сильно, ему Билли позволял немного больше свободы. Но всем остальным он постоянно диктовал, что и как играть, и все легко с этим мирились.

Я все поглядывал то на одного, то на другого – может, кто-то хоть что-то на это скажет? Но никто и ничего не говорил. Похоже, я был единственным, кого это напрягало. А когда я

пытался дать Билли отпор, то Тедди всякий раз его поддерживал.

Арти Снайдер (звукорежиссер альбомов «Семь... Восемь... Девять» и «Аврора» группы The Six): Тедди считал, что Билли – самый талантливый в группе. Хотя он ни разу мне это открыто не высказывал. Но за долгие годы мы с ним немало времени просидели бок о бок в контрольной комнате. И частенько, когда группа отправлялась домой отдыхать, мы с ним ходили куда-нибудь пропустить по чуть-чуть, съесть по бургеру. Тедди был из тех, кто любил хорошо покушать. «Давай-ка по винцу», – бывало, предлагал я, а Тедди отзывался: «И по мясцу». Это я к тому, что очень хорошо на самом деле его знал.

И он действительно особенно выделял из всей группы Билли. Тедди интересовался его мнением, хотя ни у кого больше ни о чем не спрашивал. И всегда глядел на Билли, когда разговаривал со всей группой.

Не поймите меня неправильно, они все были одаренными ребятами. Как-то раз я, помнится, использовал сыгранный Карен трек как наглядный пример, чтобы показать другому клавишнику, как следует играть. А однажды я слышал, как Тедди говорил другому продюсеру, что Пит с Уорреном в один прекрасный день станут в роке лучшей ритм-секцией. Так что он на них на всех возлагал надежды. Но особенно обращал внимание на Билли.

Как-то ночью, когда мы уже шли к нашим машинам, Тедди мне сказал, что Билли единственный, кто обладает тем, чему совершенно невозможно научить. И мне кажется, это так и есть. Я до сих пор считаю, что это истинная правда.

Грэм: Билли постоянно беспокоился: не попробовать ли записать песню еще раз, не следует ли побольше повозиться с миксом. А Тедди всякий раз говорил нам, что хочет оставить все как можно более «сырым», шероховатым. Тедди массу энергии тратил на то, чтобы пытаться заставить Билли оставаться просто самим собой.

Билли: Тедди мне однажды сказал:

– В твоих песнях звучит чувство. Именно это нам и надо. Это как раз то, что превыше всего.

– И что там слышишь ты? – помнится, спросил я.

Ведь писал-то я о любви. Пел я тогда с таким легким рыком. Мы играли тяжелый рок на бас-гитарах с настоящими блюзовыми пассажами. Так что я предполагал, что Тедди скажет, ну, что-то вроде «как провожаешь девчонку из бара домой» или «как летишь на скорости в авто с опущенным верхом», или нечто подобное. То есть что-нибудь веселое и одновременно сопряженное с опасностью.

А он сказал мне:

– Это нечто неизъяснимое. Если бы я мог найти ему определение, от него бы не было никакой пользы.

И этот его ответ, знаешь, запал мне в душу.

Карен: Это было просто классно! Записывать альбом в самой настоящей студии! Кругом спуют операторы, техники, что-то где-то поднастраивающие. Народ вокруг свой – кто-то устраивается с ланчем, кто-то готов пойти надыбать тебе косячок. Причем каждый день у нас получался такой длинный ланч, что он плавно перетекал в обед.

Как-то было дело, мы записывались – и тут нам приносят примерно дюжину печенин с шоколадной крошкой, которые якобы передал нам какой-то чувак.

– Да у нас и так полно печенья, – удивилась я.

– Только не такого, – ответил принесший их парнишка.

Печенье оказалось с марихуаной. Даже не представляю, кто его мог нам прислать!

Эдди: Композиция «Еще лишь раз» была создана и записана в один день – как раз тогда, когда некто прислал нам печенье с травой. Вообще, эта песня, написанная в основном Билли, но и с моим участием, была о том, что хочется еще раз переспать с девчонкой, прежде чем отправиться в далекий путь. Но для нас она была про то, как мы слопали всю траву и хотим еще хоть по одной печенюшке.

Уоррен: Я умял три печенины и еще одну припрятал про запас. И когда Билли написал песню о том, что хочет «еще

разок», я подумал: «Блин! Он просек, что я одну заныкал!»

Грэм: Да-а, классное было времечко! Вообще, великие были времена.

Билли: У меня тогда было такое чувство... Ну, знаешь, когда осознаешь, что это мгновение жизни запомнится навечно.

Грэм: За вечер до того, как мы закончили писать альбом, я вернулся домой не помню откуда и обнаружил, что Карен неподвижно сидит на перилах террасы и вглядывается в даль каньона. А Уоррен сидит рядом на пластмассовом кресле и вырезает из пластиковой ложки нечто похожее на облезлую рождественскую елку.

И Карен произнесла:

– Как жаль, вода мне там по щиколотку. Так хотелось сходиться туда в поход, полазить.

– Вы тут чем, ребята, торкнулись? – спросил я тогда. – А еще есть?

Карен: Это был мескалин.

Уоррен: В тот вечер, когда мы с Грэмом и Карен хорошо намескалились, я, помнится, сказал себе: даже если альбом наш окажется полным дерьмом, я все равно не пропаду. Я ведь ради куска хлеба смогу вырезать ложки. Естественно,

озвучивать я эту мысль не стал. Но в мозгу она у меня засела. Нельзя складывать все яйца в одну корзину.

Грэм: Полностью мы записали все, кажется, в ноябре.

Эдди: Мы закончили где-то в районе марта.

Грэм: Хотя еще, пожалуй, месяц-другой Билли с Тедди миксовали все это в студии.

Я временами к ним заглядывал, слушал, что они там делают. Порой у меня возникали кое-какие соображения, и Билли с Тедди всегда меня выслушивали.

А потом, когда они представили нам окончательный вариант, я был поражен до глубины души.

Эдди: Никого, кроме Билли и Тедди, в студию не допускали. И они работали не один месяц кряду. И вот наконец нам дали прослушать то, что получилось.

Это был просто динамит! Я еще сказал тогда Питу:
– Охренеть, как здорово!

Билли: Свою работу мы представили Ричу Палентино, дав ему прослушать альбом в зале совещаний в офисе *Runner Records*. Я все постукивал ногой под столом, весь на нервах. Ведь это был наш единственный шанс! Если Ричу не понравится, то, как мне казалось, я просто взорвусь.

Уоррен: Рич нам тогда виделся эдаким стариканом в костюме да при галстуке. Я еще подумал: «И этот корпоративный дятел будет судить о моей игре?» Он выглядел скорее даже как чей-нибудь агент.

Грэм: Я все же заставил себя перестать следить за реакцией Рича, а просто закрыть глаза и слушать. И подумал тогда: «Да быть того не может, чтобы этому чуваку альбом наш не зашел».

Билли: Наконец отзвучали последние ноты «Когда на тебя светит солнце», и я во все глаза уставился на Рича. Грэм и Тедди тоже вперились в него взглядом. Да мы все дружно поедали его глазами. И вот Рич изображает на лице еле заметную улыбку и выдает:

– Ну что, отличный получился альбом.

И когда Рич одобрил – это было нечто! С меня словно скатилась последняя частичка, притягивавшая к земле, как будто кто-то дернул вытяжной трос парашюта, и я воспарил в небо.

Ник Харрис (музыкальный критик): Их дебют стал вполне достойным выходом на рок-сцену. Это был довольно благонравный, скромный и экономичный, без каких-либо особых излишеств, сборник композиций в стиле блюз-рок от

группы, которая умела создавать добротные песни о любви и чуть ли не до совершенства отточила искусство подтекста. Немного позаимствовавшие от фольклора, мгновенно цепляющиеся в памяти, полные самоуверенности и ухарства композиции с яркими гитарными риффами, с замечательными ударными – и этим потрясающим бархатным рыком Билли Данна.

Это стало весьма многообещающим началом.

* * *

После того как были отсняты фотографии для обложки диска, устроены разные, принятые в музыкальной индустрии, мероприятия, после интервью для журнала Creem и хороших первых отзывов на альбом, Runner Records и Род Рейес начали планировать гастрольный тур группы по тридцати городам Штатов.

Билли: Все это закрутилось слишком быстро, и я... Представляешь, ты долго оставался никому не известным аутсайдером – и вдруг однажды перестал им быть. И когда ты начинаешь проникаться настоящим успехом, когда начинаешь жить на широкую ногу и все такое прочее – то должен остановиться и подумать: а действительно ли я заслуживаю всего этого?

И любой человек, если он не полный кретин, конечно же,

ответит на это «нет». Потому что, естественно, ты не заслуживаешь! В то время как ребята, с которыми ты бок о бок вырос, работают на трех работах. Или пропадают безвозвратно за океаном – как мы потеряли Чака. Разумеется, ты ничего такого не заслуживаешь! Ты должен научиться примирять в себе эти две вещи: иметь что-то и понимать, что не заслужил этого. Или же просто жить, как жил я, напроочь отказываясь думать на эту тему.

Вот почему мне так не терпелось поскорее отправиться в гастроль, начать наш долгий тур. Потому что в дороге ты можешь на некоторое время оторваться от реальной жизни. Это почти как нажать для себя кнопку «пауза».

Эдди: Мы отправлялись в грандиозное турне. Ну, понимаете, что я имею в виду? Когда у нас был собственный большой автобус, когда у нас брали интервью в самых что ни на есть крутых местах. Это было здорово! Просто очумело!

Билли: Уже ночью, перед тем как нам предстояло утром погрузиться в автобус, мы с Камиллой лежали в постели, тесно сплетаясь телами среди простыней. Она тогда отрастила волосы еще длиннее. Господи, я мог прямо зарыться в ее чудных волосах!

Ее волосы и руки всегда отдавали каким-то напоминающим запах земли травяным духом. Камилла частенько срывала веточки розмарина, растирала их в руках и потом ла-

доньями проводила по волосам. Всякий раз, как я чую запах розмарина – даже сейчас! – я мгновенно переносусь туда, где я, еще молодой и глупый, живу в старом домике в каньоне вместе со своей группой и любимой девушкой.

И вот в ту ночь накануне нашего отъезда я лежал, вдыхая запах розмарина от волос Камиллы. И как раз перед моим утренним отпращиванием в турне она и сообщила мне об этом.

Камилла: Срок у меня был семь недель.

Карен: Камилла хотела детей. Я-то всегда считала, что дети – совершенно не мое. Мне кажется, такое сам в себе изначально ощущаешь. Либо это есть в твоём сердце – либо нет.

Невозможно навязать своему сердцу то, чего там нет.

И невозможно вырвать из сердца, если оно там есть.

Вот у Камиллы в сердце это было.

Билли: Поначалу я был просто счастлив. Мне так кажется... Или... [*Долгая пауза.*] Я изо всех сил старался почувствовать себя счастливым. Думаю, я просто понимал... Я действительно был счастлив... Просто, боюсь, это единственное, что я тогда способен был понимать.

Я начал лихорадочно думать, что могу сделать. Решил, что нам необходимо немедленно пожениться. Мы вообще-то планировали сыграть свадьбу после тура, но теперь я решил, что это надо устроить немедленно. Не знаю, почему для ме-

ня это так было важно... но... [*Долгая пауза.*] Когда я узнал, что Камилла беременна, я исполнился уверенности в том, что мы должны сделать все, чтобы стать нормальной семьей.

Камилла: У Карен среди знакомых был настоящий священник. От подружки она узнала номер его телефона, и мы ему прямо поздней ночью и позвонили. И он сразу же к нам приехал.

Эдди: В четыре утра.

Камилла: Карен наскоро украсила тогда крыльцо.

Карен: Я развесила по деревьям полоски алюминиевой фольги. [*Смеется.*] Сейчас, в контексте всеобщей борьбы за окружающую среду, меня бы за это не сильно похвалили. Хотя в свою защиту могу сказать, что смотрелись они очень симпатично. Они раскачивались на ветру и посверкивали бликами в свете луны.

Грэм: У Уоррена при барабанной установке имелась рождественская гирлянда, потому что ему очень нравилось подсвечивать ею свои томы¹⁶. Я спросил, можно ли ее взять, а он понес какую-то пургу насчет того, что он уже все как следует

¹⁶ *Tom-tom* (том-том) – подвесные или напольные барабаны. Как правило, чем больше размер, тем ниже звук барабана. – *Прим. ред.*

упаковал. И я сказал ему:

– Уоррен, давай сюда гирлянду, пока я не рассказал всем, какой ты жадюга.

Уоррен: Меня-то каким боком колыхало, что Билли с Камиллой решили вдруг посередь ночи пожениться?!

Карен: Когда мы с Грэмом все украсили, получилось просто изумительно. Прямо как специально подготовленное для свадьбы местечко – как будто у нас была целая вечность, чтобы все спланировать.

Билли: Пока Камилла одевалась, я пошел в ванную и уставился на себя в зеркало. Я то и дело повторял себе, что у меня все получится. «Я справлюсь. Я справлюсь», – внушал я своему отражению. Наконец я вышел во внутренний дворик, и тут же туда спустилась Камилла в белой футболке и джинсах.

Карен: На ней была желтая вязанная крючком кофточка. Камилла в ней была такая красивая!

Камилла: Я нисколечко не волновалась тогда.

Эдди: У меня в «Полароиде» еще оставался один кадр, и я их сфотографировал. Так случилось, что я «отрезал» голо-

вы, а потому на фото видны были ноги Камиллы и ее длинные, ниже пояса, волосы. Ну, и немного виднелся Билли. На снимке они держались за руки, повернувшись друг к другу. Я так расстроился, что не сумел сфоткать их лица! Но я тогда тоже был в изрядном шоке.

Грэм: Камилла произнесла речь насчет того, что будет любить Билли, чем бы он там ни занимался, что-то насчет того, что они вдвоем, плюс их дитя, будут всегда одной командой. Говорила так, словно речь шла о настоящей спортивной команде. Я взглянул на остальных – и увидел, что Пит плачет. Он, естественно, пытался это скрыть, но все равно было заметно. Кажется, я даже посмотрел на него выразительно, типа: «Ты серьезно?!» А он только пожал плечами.

Уоррен: Пит всю эту, с позволения сказать, церемонию проплакал. [*Усмехается.*] Я чуть живот не надорвал с этого парня!

Билли: Камилла сказала – я как сейчас помню ее слова, – так вот, она сказала: «Мы с тобой на веки вечные одна команда. И я всегда буду болеть за нас». Но в голове у меня постоянно слышался этакий гнусный предательский голосок, говорящий, что я не способен стать чьим-то отцом. И мне никак не получалось его заглушить. Он просто... без конца реверберировал у меня в мозгу: «Все равно ты облажаешься.

Облажаешься...»

Грэм: Понимаешь, если ты вырос без отца, то даже примерно не представляешь, что в такой ситуации должен делать, и спросить не у кого.

Я понял это уже намного позже, когда у меня самого появились дети. Как будто ты первым идешь в цепочке и, крепко держа мачете, прорубаешь перед собой тропу. Для нас ведь «папа» было лишь пустым звуком. Причем он ассоциировался у нас с такими словами, как «проходимец», «алкоголик», «говнюк». А теперь это понятие относилось и к Билли. И ему еще только предстояло найти способ применить его к себе. Когда мне понадобилось через это пройти, то передо мной, по крайней мере, имелся пример Билли. А вот перед Билли тогда не было вообще никого.

Билли: Внутренний голос мне все твердил: «Если у тебя самого не было отца, то как ты собираешься им быть?»

Так вот, тот голос... [*Долгая пауза.*] В общем, с него и началась очень тяжелая пора моей жизни. Когда я не был самим собой... Хотя, конечно же, это на самом деле не так. Мне не нравится обозначать это таким образом – ведь невозможно не быть самим собой. Ты – это всегда ты. Ты всегда остаешься собой. Просто иногда бывает так, что тот, кем ты становишься... прямо скажем, дерьмовый человек.

Карен: Они поцеловали друг друга, и я заметила, что Камилла прослезилась. Билли поднял ее на руки, избежал с нею по лестнице, и мы все рассмеялись. Потом я расплатилась со священником, потому как Билли с Камиллой об этом напроць позабыли.

Билли: Помню, как сразу после нашего бракосочетания я лежал все в той же постели рядом с Камиллой, и мне не терпелось скорее уехать. Я не мог дождаться того момента, когда пора будет сесть в автобус, потому что я просто... не мог посмотреть ей в глаза. Я знал: стоит ей хорошенько взглянуть в мое лицо, и она сразу поймет, что происходит у меня в голове.

Мне вообще никогда не удавалось ей лгать. Не знаю даже, хорошо это или плохо. Обычно считается, что лгать – это плохо, но... признаться, не уверен. Ложь порой способна защитить.

И вот я пролежал в постели, пока не взошло солнце. Потом услышал, как подъехал автобус, вскочил с кровати и поцеловал ее на прощанье.

Камилла: Мне не хотелось, чтобы он уезжал. Но в то же время я ни за что не позволила бы ему остаться.

Грэм: Когда я утром встал, Билли уже маячил возле автобуса, разговаривая с Родом.

Билли: Мы все быстро погрузились, водитель повел автобус по подъездной дороге прочь. И тут Камилла выскочила на крыльцо в одной ночной рубашке. Выбежала помахать нам на прощание. Я тоже помахал ей в ответ, но... мне было тяжело на нее глядеть.

Грэм: Трудно было понять, что с ним происходило в то утро.

Билли: Вечером мы приехали в Санта-Розу и сразу начали готовиться к концерту в гостинице *The Beginning*. Но я был совершенно не в себе.

Эдди: Первый концерт нашего тура прошел не лучшим образом. И все бы, знаешь, не было так плохо, если бы мы хотя бы просто играли синхронно, как полагается. К тому же Билли вдруг переделал два куплета в «Рожденных разбитыми». А потом еще и Грэм опоздал со своим проигрышем.

Карен: Я не слишком из-за этого переживала. А вот Билли с Грэмом ужасно расстроились из-за того, как все прошло.

Билли: Потом мы отправились в отель. В номер сразу стали просачиваться девицы. Там для нас бар загрузили под завязку. И я выпил намного больше, чем следовало бы. В од-

ной руке у меня был высокий коктейльный стакан, в другой – бутылка текилы. И я то и дело наливал себе новый стакан. Один за другим.

Помню, как Грэм сказал мне, что пора притормозить. Но во мне слишком много чего бушевало тогда. Я собирался стать отцом и уже сделался мужем, и Камилла осталась в Лос-Анджелесе, и мы только что дали ужаснейший концерт. К тому же наш альбом только успел выйти, и мы еще не знали, как его примут.

Текила все это во мне малость пригасила. Так что, когда Грэм посоветовал остановиться, я и не думал его слушать. А потом кто-то еще принес метаквалон, и я закинулся несколькими «колесами».

Уоррен: У нас там в мотеле были смежные комнаты, и вот я пристроился в уголке одной из комнат с девчонкой. Клевая была штучка – у нее вместо юбки был намотан шарф. И тут вдруг она как подскочит – мол, где моя сестра? Я даже не знал, что она там с сестрой.

– Наверно, с Билли, – отозвался кто-то.

Билли: Где-то около трех-четырех часов утра я полностью вырубился. А когда пришел в себя, то оказался в ванной отеля... причем не один. [*Долгая пауза.*] Там была... молоденькая блондинка, лежавшая прямо на мне... Мне очень неловко тебе это рассказывать, но это правда.

Как только я поднялся, меня жестоко вырвало.

Грэм: Поднявшись утром, я увидел, что Билли толчется на парковке, раскуривая сигарету. Он бродил туда-сюда, что-то бормоча себе под нос, и выглядел порядком обозленным. Я вышел к нему, и Билли сказал мне:

– Я облажался. Я просто все испортил.

Я уже знал, что произошло. Я, конечно же, пытался его остановить – но разве его остановишь!

– Просто больше так не делай, чел. Только и всего, – посоветовал я. – Просто не надо больше так делать.

– Ну да, – кивнул он.

Билли: Я позвонил Камилле – просто чтобы услышать ее голос. Понятно, я ни за что бы не смог рассказать ей о том, что сделал. Но себе я твердо сказал, что больше никогда подобного не натворю, и это мне казалось самым важным.

Камилла: Ты спрашиваешь меня, понимала ли я, что он будет мне неверен, – как будто такое можно знать наверняка. Как будто это так же однозначно, как черное и белое. Но это совсем не так. Сперва ты подозреваешь это, потом подозрения рассеиваются. А потом снова начинаешь подозревать. И говоришь уже себе, что просто сходишь с ума. А потом спрашиваешь сама себя: неужто эта супружеская верность и есть то, что для тебя ценнее всего?

Дай-ка объясню это иначе: я повидала множество браков, в которых каждый из супругов сохранял верность другому – но ни один не был счастлив.

Билли: В конце разговора Камилла сказала, что ей надо идти. И я ответил:

– Ладно, хорошо.

И, помнится, она сказала:

– Счастливо, милый. Мы тебя любим.

– Мы? – не понял я.

– Я и наше дитя.

Это было для меня просто... Кажется, я повесил трубку, даже толком не попрощавшись.

Карен: Я подружилась с Камиллой. И готова была убить Билли из-за того, что он ставил меня в такое положение: говорить Камилле правду о том, что он без нее творит, или лгать ей.

Билли: Постоянная выпивка, раскованные тусовки, секс с кем попало – все это одного поля ягоды.

Есть границы, которые никак не следует пересекать. Но вот однажды их пересекаешь. И внезапно тебе открывается крайне опасная информация: оказывается, ты можешь нарушить правила – и мир при этом ничуть не рухнет.

Вот была перед тобой изначально толстая, жирная, черная

запретная линия – и ты сделал ее чуточку бледнее. И теперь всякий раз, когда ты пересекаешь ее снова, она становится все бледнее и бледнее, пока однажды не оглядишься вокруг себя и не скажешь: а ведь здесь, поди, была какая-то черта?

Грэм: Это уже вошло в привычный ритм: приезд в новый город, саундчек, концерт, пирушка, автобус. И чем лучше мы выступали, тем круче праздновали. Отели, девочки, выпивка. И так снова, и снова, и снова – по кругу. Отели, девочки, выпивка. Все мы так жили на гастролях. Но в особенности Билли.

Уоррен: Мы придумали тогда такое правило: у каждого из нас было по пять спичек. Так мы приглашали кого-то к себе на вечеринку после концерта. Если у кого-то была спичка, его впускали. Мы вольны были дать их кому угодно, любой девушке в толпе, что нам понравится. Хотя, разумеется, старались держаться подальше от психичек и разных извращенцев.

Род: С вашего позволения, я объясню, что означает быть менеджером рок-группы. Мы разъезжали повсюду, по всем городам, долам и весям – включая и техников, и роуди, и разный персонал, и черта в ступе. И никому – ни единому человеку из всей группы – не приходило даже в голову задаться вопросом: а как это мы всегда при полных баках?

В конце семьдесят третьего случился топливный кризис, и повсюду не хватало бензина. Мы вдвоем с тур-менеджером обихаживали работников автозаправок так, будто от этого зависела вся наша жизнь. Я даже подменял, бывало, номерные знаки.

И никто из группы ничего не замечал, потому что все напропалую трахались, бухали и хронически были под кайфом.

Карен: Билли в том туре превратился в совершенно неузнаваемую для меня личность. Он постоянно вырубался в автобусе с какой-нибудь девахой в обнимку, возил с нами девиц из одного города в другой.

Эдди: Взять хотя бы то, что у него был свой парень из роуди, который в любое время ночи доставлял ему текилу и «колеса».

Карен: Альбом приняли очень хорошо, и наши гастроли становились все более популярными. Как-то я обмолвилась об этом Камилле, и она спросила:

– Как думаешь, Карен, может, мне стоит к вам присоединиться?

Я не смогла быстро подобрать нужные слова, а потому сказала:

– Нет, оставайся лучше дома.

Уоррен: Сейчас вкратце опишу, как выглядел наш первый гастрольный тур: я ходил по девочкам, Грэм накуривался, Эдди вечно надирался в стельку, Пит постоянно триндел по телефону со своей девушкой, Карен злилась, поскольку ее уже все достало. Ну, а Билли все эти пять пунктов исполнял одновременно.

Эдди: После выступления в *Ottawa* я сидел за кулисами, распивал пиво с ребятами из *The Midnight Dawn*, Грэмом и Карен. А Пит ждал свою девушку, которая как раз должна была приехать к нам из Бостона. Прежде я никогда ее не видел. А все потому, что Пит был всегда очень скрытным. Представляешь, он даже не познакомил родителей со своей девушкой из старшей школы! Так что мне, естественно, не терпелось поскорее увидеть эту Дженни, посмотреть, из-за чего он так, собственно, колготится-то.

И тут входит она. Высоченная блондинка с длинными волосами, в коротеньком таком платье и на офигенных каблук-ках. Ноги от ушей. И я подумал: «Да уж, неудивительно, что Пит на ней так сбрендил».

И тут прямо за ее спиной я вижу Камиллу.

Камилла: Мне хотелось сделать ему сюрприз. Я стосковалась по нему. Мне наскучило быть одной. И я уже... меня стало охватывать беспокойство. В смысле, я была заму-жем, на седьмом месяце беременности – и притом бо́льшую

часть времени я проводила одна в огромном старом доме в каньоне Топанга. Так что у меня образовалось много причин к нему поехать.

Ну да, верно, одной из причин было желание убедиться, что все в порядке. Узнать, как он там. Разумеется, не без этого.

Карен: Я ведь сказала ей не приезжать. Но она меня не послушала. Ей, видишь ли, хотелось преподнести Билли сюрприз!

У Камиллы как раз начал показываться живот. Наверно, был уже шестой месяц, что-то около того. Она надела огромное длинное платье, а волосы стянула на затылке.

Грэм: Я заметил Камиллу. «О нет!» – мелькнуло в голове. А я как раз вышел на улицу вроде как проветриться. Поскольку меня не заметили, то я быстро сделал ноги. Прикинул, что Билли либо в автобусе, либо в отеле. Но поскольку точно знать не мог, решил действовать наугад. И рванул через два квартала к отелю.

Лучше бы я выбрал автобус.

Карен: Билли она нашла в автобусе. С одной стороны, мне очень хотелось ее остановить, но другая часть моей души даже радовалась, что все наконец откроется.

Эдди: Самого меня там не было, но я слышал, она застукала его за... как бы это приличнее сказать... за оральным сексом. Девушка из группы делала ему минет.

Билли: Понятное дело, что я играл с огнем. Но все же я был откровенно изумлен, когда спалился.

Помню лицо Камиллы. Не злое, не обиженное – она выглядела скорее шокированной. Камилла словно застыла, никак не реагируя, и во все глаза глядела на меня, а я пытался как-то привести себя в порядок.

Девчонка, с которой я был, мигом сдернула – ей не хотелось оказаться посреди разборок.

Когда дверь автобуса закрылась, я посмотрел на Камиллу и сказал: «Прости». Это было первое, что я сказал. Да и на самом деле единственное. И в тот момент Камилла, похоже, начала понимать, что произошло. Вернее, что происходит.

Камилла: Все, что я говорила, для меня звучало глухо, точно мне заткнули уши.

– Ты что о себе, черт возьми, возомнил, что изменяешь мне? – сказала я ему, насколько помню. – Или ты думаешь, на свете найдется женщина лучше той, что у тебя уже есть?

Уоррен: Я болтал с ребятами из техперсонала на улице и застал самый конец сцены. Что-то я видел через лобовое стекло. И мне показалось, она его ударила. Кажется, у нее

была какая-то сумка, и вот ею она ему, похоже, и вметелила. А потом они вышли из автобуса.

Камилла: Я заставила его принять душ, прежде чем мы сможем говорить о чем-то дальше.

Билли: Мне хотелось, чтобы она меня бросила. [*Долгая пауза.*] Я много об этом думал, и... К этому я, наверное, и стремился. Надеялся, что она отпустит меня на все четыре стороны.

В тот вечер – после того как я принял душ – мы с Камиллой сидели в моем номере отеля. Я чувствовал, что с каждой минутой все больше трезвею, и мне это совсем не нравилось. Я вытащил, чтобы занюхать, дозу кокса, и, помню, Камилла внимательно посмотрела на меня:

– И чего ты пытаешься добиться?

Причем сказала она это безо всякого возмущения. Она на самом деле меня спрашивала: чего я добиваюсь? И я не знал, что ответить. Я только пожал плечами. И помню, как глупо себя тогда почувствовал, пожимая плечами. Эта женщина носила мое дитя – а я, стоя перед ней, пожимал плечами, точно десятилетний мальчонка.

Некоторое время она пристально глядела на меня, ожидая ответа, но я так ничего и не сказал.

– Если ты думаешь, что я позволю тебе испоганить нам обоим всю жизнь, – произнесла она тогда, – то ты просто

сумасшедший.

И вышла из номера.

Грэм: Камилла нашла меня и сообщила, что собирается вернуться домой. Мол, не намерена разбираться во всей этой мерзопакости. И попросила меня присмотреть за Билли до утра. А я и так уже задолбался присматривать за Билли! Но разве ответишь отказом такой женщине, как Камилла, тем более беременной! Поэтому я сказал ей «ладно».

— Когда он проснется, передай ему это письмо, — велела она тогда.

Билли: И вот я просыпаюсь — в животе мутит, голова раскалывается. В глазах такое ощущение, будто сосуды полопались. А надо мною стоит Карен с листком бумаги в руках. И лицо такое злое. Я выхватил листочек, прочитал. Написано было рукой Камиллы. *«У тебя есть время до 30 ноября. И после этого ты всю оставшуюся жизнь будешь достойным человеком. Ты меня понял?»*

Ребенок должен был появиться на свет 1 декабря.

Камилла: Думаю, я просто отказывалась признавать, что он действительно пал настолько низко, как пытался мне это показать.

Я не хочу сказать, что не верила в реальность того, что он вытворял. О, это было даже очень реально! Более чем реаль-

но. И я никогда еще не испытывала такого смятения и страха. Я очень переживала, мучилась от этих мыслей каждый день. И даже не могу сказать, какая часть меня страдала больше. Сердце ныло, в животе будто все переворачивалось, в висках пульсировало, в голове гудело. Да уж, реальнее и не бывает. Но это все равно не означало, что я должна *принять*.

Род: Я не знал Камиллу близко, но ее решение несмотря ни на что остаться с Билли не так уж трудно и понять. Она связала с ним свою жизнь, когда он был хорошим, приличным парнем. А когда поняла, что он как личность трещит по швам, то зашла уже слишком далеко.

И если она хотела, чтобы у ее ребенка был отец, ей требовалось во что бы то ни стало исправить Билли. Что тут непонятного?

Билли: Как полный идиот, я сказал себе: «Ладно, оттянусь еще до 30 ноября, а потом возьму и разом выкину все это из своей жизни. Оторвусь на всю катушку – чтоб потом уже больше никогда этим не заниматься».

Порой я удивляюсь, что наркоманы вроде бы не так уж сильно отличаются от других людей. Просто у них гораздо лучше получается лгать самим себе. Лично я был великим мастером себя обманывать.

Карен: Естественно, он не прекратил заниматься всей

этой хреню.

Род: Наш гастрольный тур в очередной раз расширился, поскольку мы подвизались играть на разогреве у Рика Ейтса. Для нас это была отличная новость. Это сулило широчайшую аудиторию. Наш альбом получил вполне достойный старт. «Сеньора» поднималась на верхние позиции чартов.

Но Билли точно сорвался с резьбы. После того как Камилла его застучала, он стал гудеть вдвое больше. Кокаин, девочки, постоянные пьянки и все в подобном духе.

Впрочем, если честно, мне казалось, что все это вполне контролируемо. Конечно же, не очень хорошо – но все-таки в рамках допустимого.

И пока он не взялся еще и за сильнодействующие транквилизаторы – бензодиазепины и героин, – я считал, что у Билли наверняка все как-то само собой утрясется.

Грэм: Я прямо не знал, что делать. Не представлял, как ему помочь, и не знал, могу ли я верить его словам. По правде сказать, я чувствовал себя по-дурацки. Я думал про себя: «Ведь я же его брат и должен знать, что ему на самом деле нужно. Я всегда должен различать, под кайфом он или нет, даже когда он врет мне».

Но я ничего не знал точно. И мне было... стыдно оттого, что я не умел вовремя угадывать, что у него на уме.

Эдди: Мы все дружно вели обратный отсчет дням. Ну, понимаешь: шестьдесят дней до того, как Билли «завяжет». Потом сорок дней. Потом двадцать.

Билли: Мы тогда были в Далласе, работали на разогреве у Рика Ейтса. А Рик уже не на шутку употреблял героин. И я подумал: «Ну, хоть раз в жизни-то мне надо попробовать».

Мне казалось вполне логичным, что будет куда проще завязать, если я попробую еще и героин. Причем мне вовсе не хотелось прибегать к игле, я собирался нюхнуть. У меня уже имелся опыт с опиумом. Все мы через это прошли. Короче, когда мы с Риком оказались вместе за кулисами в *Texas Hall* и он предложил мне нюхнуть дозу... я с готовностью согласился и принял это дело.

Род: Своим людям я всегда твержу: держитесь подальше от бензосов и героина. От них не умрешь на ногах – от них отбросишь коньки, когда ляжешь спать. Вспомните хотя бы Дженис Джоплин, Джимми Хендрикса или Джима Моррисона. Эти транквилизаторы вас убьют.

Грэм: И с этого понеслось. Чем дальше, тем хуже. С тех пор как Билли на пару с Ейтсом начали нюхать «эйч», я жил с леденящим ужасом внутри. Я пытался получше приглядывать за ним. Постоянно старался его остановить.

Род: Когда я обнаружил, что он якшается с Ейтсом, то сразу позвонил Тедди. Мол, у нас тут ходит живой труп. Тедди пообещал, что разрулит это дело.

Грэм: Сколько ни давай советов, ни читай нотаций, сколько ни пытайся кого-то приструнить или ограничить – его ничто не остановит, ежели он сам не желает останавливаться.

Эдди: Когда до назначенного срока осталось всего десять дней и Билли начал забывать слова на сцене, я подумал, что он никогда не завяжет с наркотой.

Билли: 28 ноября Тедди вдруг явился на наш концерт в Хартфорде. Когда выступление закончилось, он ждал меня за сценой.

– А что ты тут делаешь? – спрашиваю.

– Ты едешь домой, – заявляет Тедди и, крепко прихватив меня под руку, уводит. Причем цепко держит практически до самого самолета.

Оказывается, у Камиллы начались схватки.

Мы приземляемся, и Тедди сразу тащит меня в свою машину и везет в больницу. Там паркуется во втором ряду в особой красной зоне прямо напротив вестибюля.

– Двигай туда, Билли, – говорит он мне.

И вот, представляешь... Мы проделали такой долгий путь, и все, что мне осталось, – только зайти в эти широкие две-

ри... Но... я не смог этого сделать. Я не посмел в таком виде предстать перед своим ребенком.

Тогда Тедди вышел из машины и пошел туда сам, вместо меня.

Камилла: Представь, схватки длились восемнадцать часов, и рядом со мной была только мама. Я все ждала, что в дверь войдет мой муж, что он меня поддержит. Это сейчас я понимаю, что невозможно вдруг взять и самого себя исправить. В жизни так не получается. Но тогда я ожидала, что у него получится. Я многого еще не понимала.

И вот дверь открывается... но входит в палату не Билли... а Тедди Прайс.

Я к тому моменту уже так устала, так измучилась, буквально обливалась потом от играющих в крови гормонов. И вот я держала в руках это малюсенькое создание, которое только что увидела впервые. Крохотную девочку, удивительно похожую на Билли. Я решила назвать ее Джулией.

Мама готова была увезти нас обоих к себе домой, в Пенсильванию. И для меня, признаться, это был очень заманчивый вариант. В тот момент поставить крест на Билли казалось намного легче, нежели верить в него и дальше. Меня так и подмывало сказать: «Передай ему, что ребенка я выращу сама». Но все же я должна была сделать еще одну попытку добиться того, чего хотела для себя и своей девочки. И поэтому сказала Тедди:

– Передайте ему, что либо он с этого момента становится нормальным отцом – либо едет лечиться в наркоцентр. Немедленно.

Тедди кивнул и вышел из палаты.

Билли: Я прождал перед вестибюлем, казалось, несколько часов, теребя ручку дверцы в машине. Наконец Тедди вышел из больницы и сказал:

– У тебя девочка. Прямо вылитая ты. Ее называли Джулией. Я даже не нашелся что ответить.

– Камилла говорит, у тебя два варианта на выбор, – продолжил тогда Тедди. – Или ты сейчас же поднимаешь свою задницу, идешь туда, к ней, и становишься нормальным мужем и отцом – или я везу тебя в лечебницу. Выбирай одно из двух.

Я взялся за дверную ручку и... Представляешь, вдруг подумал: «А ведь я могу просто убежать».

Но, похоже, Тедди понял, что мне пришло в голову, и сказал:

– Других вариантов, Билли, тебе Камилла не оставила. У тебя нет иного выбора. Быть может, есть люди, которые способны сами завязать и с выпивкой, и с наркотой, но ты этого не можешь. Так что для тебя теперь эта тема закрыта.

Это напомнило мне, что, когда я был ребенком лет шести-семи, то не на шутку, до одержимости, увлекся коллекционированием моделей автомобилей. Но у мамы не было

денег, чтобы покупать нам эти машинки. И я стал высматривать их на тротуаре – вдруг кто-то из детишек потерял. И несколько даже так нашел. А потом, играя с другими мальчиками, жившими по соседству, стал иногда незаметно прикарманивать себе одну-другую из их моделек. Несколько раз даже тырил машинку прямо из магазина. А потом матушка обнаружила мой схрон, усадила меня рядом с собой и сказала:

– Почему ты не можешь удовольствоваться несколькими машинками и просто играть с ними, как все другие дети?

Я так и не нашел ответа на этот вопрос.

Видимо, это было просто не мое.

Так вот, в тот день перед больницей я, помнится, глядел на двери вестибюля и увидел одного мужичка, который выкатил наружу каталку с сидевшей в ней женщиной с младенцем. Я посмотрел на него и... понял, что совершенно не представляю себя в этой роли.

И я все думал о том, что вот зайду в больницу, взгляну на свою новорожденную дочку – и при этом буду знать, какое дерьмо перед ней предстало... [*От волнения прерывается.*] Нельзя сказать, что я не хотел к ней. Я ужасно хотел оказаться рядом. Просто... я не хотел, чтобы моя девочка познакомилась со мной таким.

Я не хотел... чтобы, только вступив в жизнь, моя дочурка подняла глаза, увидела такого вот человека – это пропитое, одуревшее от наркоты ничтожество – и подумала: «И это мой

отец?»

Вот что я чувствовал тогда. Я просто стыдился, что меня увидит мое дитя.

Поэтому я от него сбежал. Этим я несколько не горжусь – но да, правда в том, что я отправился напрямик в лечебницу, только чтобы не встречаться с моей дочерью.

Камилла: Мама сказала мне:

– Надеюсь, детка, ты хорошо понимаешь, что делаешь.

В ответ я, помнится, вспылила, но подумала: «Да, я тоже на это очень надеюсь».

Знаешь, я потом столько обо всем этом думала. Десятки лет. И вот к чему все сводится. Вот почему я сделала то, что сделала. Мне показалось неправильным, что самая слабая часть его существа станет вдруг диктовать, как сложится моя жизнь и какой станет моя семья.

Я сама должна была это решать. А я хотела, чтобы моя жизнь, моя семья, мой дом – чтобы все это было связано с ним. С человеком, чью истинную суть я уже знала. С таким, каким он был для меня на самом деле. И я готова была добиваться этого вопреки всему.

Билли поступил в центр реабилитации зимой 1974 года. В связи с этим The Six отменили несколько оставшихся пунктов программы тура.

Остальные участники группы получили небольшой от-

пуск. Уоррен купил яхту и пришвартовал ее у причала в бухте Марина дель Рей. Эдди, Грэм и Карен остались в старом доме в каньоне Топанга, в то время как Пит временно переехал жить на Восточное побережье, к своей девушке, Джесси Мэйнс. Камилла арендовала дом в Игл-Рок и там целиком и полностью предалась материнству.

Проведя шестьдесят дней в реабилитационном центре, Билли Данн наконец смог встретиться со своей дочерью Джулией.

Билли: Я не уверен, что мною двигали правильные доводы, когда я решил пойти на реабилитацию. Скорее это были стыд и сконфуженность, и, что называется, реакция избегания, и все такое прочее. Но остался я там все же по вполне резонным причинам.

Остался я там потому, что уже на второй день моего пребывания в центре врач, ведущий нашу группу, велел мне прекратить себе внушать, будто бы моя дочь меня стыдит. И посоветовал начать думать, что можно сделать, дабы поверить в то, что моя дочь гордится мною. И скажу тебе, это реально запало в душу. Я уже не мог перестать об этом думать.

Постепенно это превратилось для меня в этакое манящее свет в конце тоннеля... рисующий мне образ дочери... [Умолкает, пытаясь совладать с эмоциями]. Я представлял себя человеком, которого моя дочь будет счастлива называть

отцом.

И отныне я постоянно, каждый день работал над тем, чтобы как можно ближе подойти к этому воображаемому человеку.

Грэм: В тот день, когда Билли выписывали из наркоцентра, я на машине забрал Камиллу с малышкой, и все вместе мы приехали за ним.

Джулия к тому моменту превратилась в такого пухлюнделя, каких еще поискать! [*Смеется.*] Правда-правда! Я даже говорил Камилле: «Ты что, ее молочными смесями закармливаешь?» Щеки толстые, пивной животик круглый! Прелестнее не найдешь!

Недалеко от ворот лечебницы стоял маленький такой столик для пикника, с зонтиком, и вот Камилла присела туда с Джулией на коленях. А я прошел в заведение забрать Билли. Он был все в той же одежде, как в тот раз, когда мы с ним виделись в Хартфорде. Но было заметно, что он изрядно поправился, прибавил в весе, и лицо его выглядело куда свежее.

– Ты готов? – спросил я.

– Ну да, – ответил он, хотя и показался мне немного неуверенным.

Тогда я приобнял его и сказал то, что, по-моему, в тот момент ему необходимо было услышать:

– Из тебя выйдет отличный отец.

Наверно, мне следовало бы сказать ему это раньше. Даже не знаю, почему я этого не сделал.

Билли: Когда я первый раз увидел Джулию, ей было от роду шестьдесят три дня. И знаешь, очень трудно... до сих пор даже... не презирать себя за это. Но в тот момент, когда я ее увидел... Боже ж ты мой! [*Улыбается.*] Когда я встал с ними рядом возле этого столика для пикника, я себя чувствовал так, словно по мне кто-то крепко приложился киркой, сколов весь покрывавший меня панцирь. Я вмиг сделался чувствительным как никогда. Когда все, что ты чувствуешь, пронзает тебя в самую глубину нервов.

У меня теперь... Я осознал, что создал семью. Хоть и случайно, без особых раздумий, и не обладая теми качествами, с которыми, как мне кажется, человек заслуживает семью, — но я все же ее создал. И передо мною — крохотный новоявленный человечек, у которого были мои глаза и который не ведал, кем я был прежде. Для которого значило лишь то, кем я стал сейчас.

Я опустился на колени. Я был настолько преисполнен благодарности к Камилле!

Мне... Я даже представить себе не могу, через что я заставил ее пройти. И не мог поверить, что Камилла по-прежнему со мною рядом и дает мне еще один шанс. Я этого не заслужил. И я это прекрасно понимал.

Тогда я сказал ей, что весь остаток нашей с ней совмест-

ной жизни я буду стараться быть вдвое лучше, чем даже она заслуживает. Едва ли когда-либо еще я кому-то с такой почтительностью и с такой глубокой благодарностью в душе что-либо обещал, как в тот день Камилле.

Да, формально мы были женаты уже почти год – но именно в тот день я полностью, всецело ей отдался. Как говорится, отныне и навеки. Ну, и моей дочери, конечно. Я решил всего себя посвятить им обеим, всю душу свою вложить в воспитание этой девочки.

Когда мы уселись в машину, Камилла прошептала:

– Мы с тобой вместе на веки вечные. Не забывай об этом больше, ладно?

Я в ответ кивнул, и она меня поцеловала. И Грэм отвез нас домой.

Камилла: Мне кажется, верить в людей надо еще до того, как они это заслужили. Иначе это будет нечестно. Правда?

«Начало»

1974–1975

В 1974 году Дейзи Джонс отказалась появиться хотя бы на одном из сеансов звукозаписи в студии Record Plant в Западном Голливуде, а также нарушила условия своего контракта с Runner Records.

Между тем Симона Джексон, успевшая заключить контракт с Supersight Records, уже снискала мировой успех своими танцевальными хитами в стиле ритм-н-блюз, которые впоследствии стали считать классикой жанра «протодиско». Ее песни «Любовь как дурман» и «Заставь меня» неизменно попадали в верхние позиции чартов танцклубов Франции и Германии.

Когда же летом 1974-го Симона отправилась в очередные гастроли по Европе, Дейзи стала все чаще испытывать чувство неприкаянности.

Дейзи: Целыми днями я загорала на солнце, а ночи проводила в алкогольном угаре. Я перестала писать песни, потому что не видела в этом никакого смысла: ведь все равно никто не даст мне их записать.

Хэнк навещался ко мне каждый божий день, делая вид, будто безумно влюблен в меня, хотя на самом деле он просто все время пытался убедить меня поехать в студию, словно я

была призовой лошадей, отказавшейся участвовать в скачках.

Потом в один прекрасный день у моего порога появился Тедди Прайс. Похоже, его назначили за меня ответственным, и в студии предполагали, что он сумеет убедить меня явиться на запись. Тедди на ту пору было где-то за сорок, или, скорее даже, около пятидесяти. Исключительно обаятельный был британец, выказывавший ко мне какое-то отеческое отношение.

Я открываю дверь – и вижу его на крыльце.

– Хватит уже страдать ерундой, Дейзи, – говорит он мне, даже не поздоровавшись. – Тебе придется записать этот альбом, иначе *Runner* привлечет тебя к суду.

– Мне на это наплевать, – ответила я. – Если хотят, то могут забрать свои деньги и выпереть меня отсюда. Буду жить, значит, в картонной коробке.

Я была ужасно раздражена. На самом деле я даже не представляла, что означает терпеть какие-то лишения.

– Давай-ка просто поедem в студию, красавица, – сказал Тедди. – Это что, так трудно?

– Я хочу записывать собственные песни, – уперлась я. Причем, кажется, даже скрестила руки на груди, точно упрямое дитя.

– Я почитал твои тексты. Некоторые из них даже очень хороши. Но у тебя нет ни единой полностью законченной вещи. У тебя нет ничего, что можно было бы с ходу записать.

Еще сказал, что, когда я исполню свои обязательства по контракту с *Runner Records*, он поможет довести мои песни до ума, чтобы я могла выпустить альбом с собственными сочинениями. Даже назвал это «дальнейшей целью нашей общей работы».

– А я хочу выпустить свои песни *сейчас*, – не отступала я.

И тут Тедди не на шутку разозлился:

– И что, ты хочешь стать профессиональной групи? Это предел твоих мечтаний? К этому ты стремишься? С моей точки зрения, сейчас тебе дается шанс по-настоящему заявить о себе, сделать что-то самой. А ты предпочла бы просто залететь от Боуи.

Позволь-ка, я воспользуюсь моментом и проясню кое-что сразу: я никогда не спала с Дэвидом Боуи. Лично я в этом абсолютно уверена.

– Я – *творческая* личность, – заявила я Тедди. – Поэтому или вы позволите мне записать альбом, который я хочу, или вообще меня больше не увидите. Никогда.

– Знаешь, Дейзи, – высказался он тогда, – тот, кто настаивает на идеальных условиях, чтобы творить искусство, тот никакая не творческая личность, а просто музозвон.

На этом я захлопнула перед ним дверь.

В тот же день я открыла свой сборник песен и взялась перечитывать. Мне досадно было признавать это, но я поняла, о чем говорил Тедди. У меня встречались очень даже удачные строки, но ничего не было отшлифовано от начала и до

конца.

Как я тогда работала над песнями? У меня в голове крутилась какая-то случайная мелодия, я подбирала к ней слова, а потом просто двигалась дальше, к новым песням. И всего раз-другой перечитав написанное, никогда уже не возвращалась к текстам.

И вот я сидела в гостиной коттеджа, глядя в окно и положив сборник на колени, и постепенно проникалась осознанием того, что если я не начну по-настоящему стараться – то есть не стану ради своей цели выкладываться потом, кровью и слезами, – то так и останусь никем, и никто никогда не станет воспринимать меня всерьез.

Пару дней спустя я позвонила Тедди и сказала:

– Я запишу ваш альбом. Я готова это сделать.

– Это твой альбом, – отозвался он.

И я поняла, что он совершенно прав. Может, в альбоме не все получалось именно так, как я хотела, – но тем не менее он был моим.

Симона: Как-то раз, когда я уже вернулась с гастролей в Лос-Анджелес, я приехала к Дейзи в *Chateau Marmont* и в кухне увидела прилепленный к дверце холодильника листок бумаги со стихами.

– Что это у тебя? – спросила я.

– Песня, над которой я сейчас работаю.

– Разве у тебя их не десятки разом вылетают?

Дейзи в ответ помотала головой:

– Я пытаюсь эту одну сделать как надо.

Дейзи: Для меня это был хороший урок в юности: не получать что-то, а зарабатывать трудом. Я настолько привыкла к тому, что все дается само собой, что даже не понимала, насколько важно для души, для самой своей сущности что-то для себя заработать, заслужить.

Если б я смогла за что-то поблагодарить Тедди Прайса (а если честно, я за многое должна его благодарить) – и выбрать что-то одно, – я бы особо выделила то, что он заставил меня зарабатывать трудом и стараниями.

В итоге я в относительно трезвом состоянии приехала в студию и спела все те песни, что мне сказали. Я не всегда, конечно, исполняла их именно так, как от меня хотели, – во мне все же срабатывало какое-то сопротивление, – но мне кажется, от того, что я делала кое-что в собственном стиле, альбом только выиграл. Как бы то ни было, я сделала то, что от меня требовалось. Я честно выполнила обязательства.

И когда мы с этим покончили, записав небольшой сборничек из десяти музыкальных баллад, Тедди спросил меня:

– И как ощущения?

Я ответила, что чувствую, будто сделала что-то не совсем так, как себе это представляла, но, пожалуй, само по себе получилось вполне даже неплохо. Еще сказала, что вроде бы это и похоже на мое, а вроде и нет, и я даже понятия не имею,

отлично у меня получилось, или совсем ужасно, или нечто среднее. На что Тедди рассмеялся и сказал, что сейчас точно слышит речь творческого человека. Для меня его слова оказались бальзамом на душу.

Я спросила, как назовем альбом, и Тедди ответил, что пока не знает. Тогда я сказала, что мне бы хотелось назвать его «Начало», поскольку я планирую сделать их еще очень много.

Ник Харрис: Дейзи Джонс выпустила «Начало» зимой 1975 года. Рекламировали ее повсюду как преемницу Дасты Спрингфилд. На обложке альбома она гляделась в зеркало, размещенное на бледно-желтом фоне.

Это не был какой-то прорыв или новаторство – ни в коей мере. Однако, оглядываясь назад, на то, каким в итоге получился этот альбом, под ровной с виду поверхностью сразу проглядывает решительный и резкий характер.

Ее первый сингл, явивший собой версию композиции «В один прекрасный день», оказался более многосложным, нежели другие варианты этой песни. А последовавший вскоре за ним второй сингл (Дейзи записала одну из версий популярной «Дороги вниз») приняли довольно тепло.

Я хочу сказать, что альбом этот, хоть был совершенно умеренным, ничем особо не выдающимся, – все же сделал свое дело. Теперь публика знала ее имя. Дейзи засветилась в телепрограмме *American Bandstand*, а ее фотография в жур-

нале *Circus* с «фирменными» кольцами в ушах заняла целый разворот.

Она была и редкостно красивой, и искренней, и интригующей. Музыка ее песен пока что не была особенной, но... знаете, ведь Дейзи Джонс всегда стремилась вперед. Момент ее славы еще только приближался.

«Семь... Восемь... Девять»

1975–1976

Закончив курс лечения в реабилитационном центре и оказавшись дома, рядом с Камиллой и крохотной дочкой, Билли Данн вернулся к написанию песен. Когда у него набралось достаточно материала, The Six вновь собрались в студии для записи следующего альбома. С июня по декабрь 1975 года группа записала десять песен, что должны были составить сборник «Семь... Восемь... Девять». Однако, когда запись закончили, Тедди сообщил, что Рич Палентино совсем не уверен, что в их альбоме есть какая-либо ударная композиция, готовый сингл номер один.

Билли: Нам словно дали под дых. Мы даже готовы были уйти. Мы так гордились своим новым альбомом!

Эдди: Честно говоря, я даже удивился, что Тедди не сказал этого раньше. Я слышал первый оригинал записи, и мне он показался слишком слабым – по крайней мере, с точки зрения смысла того, о чем мы пели. Все, что писал теперь Билли, крутилось лишь вокруг его семьи.

Пит высказался об этом лучше всех:

– Рок, вообще-то, о том, как впервые познаешь девчонку, а вовсе не о том, как занимаешься любовью с женой.

Самое удивительное, что это говорил Пит! Такой же подкаблучник, как и Билли!

Грэм: Я ответил Тедди, что у нас полно песен, способных стать хорошими синглами.

– Как насчет «Задержи дыхание»?

– Слишком медленная, – возразил он.

– А «Сдавайся»?

– Там чересчур тяжелый рок.

Я продолжал называть разные песни, а Тедди все уверял меня, что Рич прав. Мол, песни, конечно, очень хорошие, но нам требуется какой-то перекрестный выпад. Сказал, что мы должны стремиться стать лучшими на рок-сцене. Что первый наш альбом вышел добротным и удачным, но если мы хотим расти и дальше в своем деле, то нам, дескать, необходимо идти к более высокой цели.

– Разумеется, – ответил я. – Но у нас нет задачи так уж прямо стать номер один на рок-сцене. Все это рассчитано на более низкий общий знаменатель.

– Вы должны стремиться стать лучшими из лучших, потому что играете вы и впрямь чертовски классно.

Что ж, аргумент весомый.

Билли: Уже не помню, чья была идея составить дуэт. Знаю, что я бы уж точно ничего такого не предложил.

Эдди: Когда Тедди обмолвился, что «Медовый рай» следует исполнить дуэтом – тут я вообще офонарел! То есть он хотел взять самую тихую и вялую в альбоме песню, прибавить туда женский вокал – и *это вот*, по его мнению, могло решить проблему? Одно это подняло бы ее на верхушку хит-парада «*Top-40*»?!

Питу я сказал тогда:

– Я не останусь в группе, играющей софт-рок.

Билли: «Медовый рай» – романтическая песня, но в то же время немного меланхоличная, полная сомнений и надежд. Она описывает ту жизнь, что я обещал своей жене. Камилла мечтала о том, чтобы, когда мы постареем и остепенимся, переехать в Северную Каролину, туда, где выросла ее мать. Она хотела приобрести местечко поближе к океану, и чтобы это был большущий участок земли, с домом и пасекой, а ближайшие соседи жили минимум в миле от нас.

И я дал Камилле своего рода зарок, то, что я надеялся когда-нибудь ей преподнести. Огромный сельский дом с множеством спящих там детей. Умиротворение и покой после всех тех штормов, что я на нее обрушил. Вот о чем писался «Медовый рай». И я не видел никакого смысла вводить в эту песню кого-то еще.

Но Тедди со мной не согласился.

– Добавь туда женскую партию. Напиши то, что могла бы в ответ тебе сказать Камилла.

Грэм: Я считал, нам надо было дать возможность спеть Карен. У нее ведь классный голос.

Карен: У меня совсем не тот голос, чтобы я могла исполнять соло. Я с радостью готова поддержать в припеве, но сама по себе петь не смогу.

Уоррен: Грэм вечно из штанов выпрыгивал, чтобы сделать Карен комплимент. А я всегда думал: «Это не для тебя, мужик. Смирись же и расслабься».

Билли: Тедди все предлагал позвать какую-нибудь девушку, поющую в данс-клубе. Мне этот вариант совсем не нравился.

Карен: Тедди подобрал ему где-то с десятка подходящих девушек, пока наконец Билли уступил. Все это происходило при мне.

Билли просматривал список имен, что подсунул ему Тедди, то и дело роняя:

– Нет... Нет... Нет... Тони Ридинг? Нет. Сюзи Смит? Нет. – А потом вдруг спрашивает: – А кто такая Дейзи Джонс?

И тут Тедди заметно оживился, сказал, что очень надеялся, что Билли задаст этот вопрос, поскольку, по его мнению,

Дейзи – как раз самое то.

Грэм: Ну да, мне доводилось слышать, как поет Дейзи. Где-то за полгода до этого, в клубе *Golden Bear*. Мне она показалась чертовски сексапильной. Голос у нее был классный – такой сильный, с хрипотцой. Но я сомневался, что она пошла бы нам для записи. Она была моложе нас и явно поповее.

– А почему бы тебе не позвать к нам Линду Ронстадт? – предложил я Тедди. На ней все тогда были помешаны.

Но Тедди заявил, что это должен быть кто-то с нашего лейбла. Сказал, что Дейзи придаст нашей группе удачный с коммерческой точки зрения энергетический толчок, который всем нам пойдет только на пользу.

И должен признать, я понял, из чего исходит Тедди. А потому сказал Билли:

– Знаешь, если Тедди пытается тем самым привлечь к нам дополнительную аудиторию, то вариант с Дейзи логичен.

Билли: Тедди от меня не отставал: Дейзи, Дейзи, Дейзи. Даже Грэм начал на меня наседать с этим. И наконец я сказал:

– Ну, хорошо. Если особа по имени Дейзи желает за это взяться, то ладно, попробуем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.